

Александр
Белых

СНЫ Флобера

Александр Евгеньевич Белых

Сны Флобера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49867834

Сны Флобера:

ISBN 978-5-00165-004-1

Аннотация

Конец советской эпохи – авантюрный адюльтер между Орестом и Марго перерастает в длительные тайные отношения. Таинство или метафизика любви по-разному проявляется между возлюбленными в эпоху общественных перемен. Слово «превращаться» – ключевой глагол романа. Время любви в романе предшествует времени демонов, когда города погружались во мрак, а электричество становилось роскошью, и только потрескивающая вечерами газовая горелка в комнате автора смутно освещала страницы рукописи, исполненной сюрреалистического наваждения и тревогами. «Сны Флобера» сопровождаются литературоведческим исследованием Юлии Яроцкой, впервые приоткрывшей истоки метафизики любви в романе Александра Белых.

Содержание

«Свободная вещь» Александра Белых	4
От автора	10
Марго караулит кофе	12
Владик слушает голоса	92
Встреча с воином	119
«Езда в остров любви»	125
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Александр Белых

Сны Флобера

«Свободная вещь»

Александра Белых

У Александра Белых, родившегося в 1964 году в городе Артеме Приморского края, образцовая биография «молодого советского писателя», была некогда такая категория пишущей литературной братии, ищущей себе места под коммунистическим солнцем. Вырос в шахтерской семье, работал на заводе токарем, котельщиком, отслужил в армии, бороздил Тихий океан на краболовных судах Дальневосточного морского пароходства, с юных лет обладал поэтическим даром.

Университетское образование по специальности японская филология, стажировка в Токио – тоже бы пошли при Советам молодому дальневосточнику в плюс. Видите, товарищи, человек из народа, а рубит во всех этих хайку и хокку, таинственные эти иероглифы щелкает, как семечки. Можно доверить ему переводить прогрессивных японских писателей. Пока.

Другой вариант судьбы эрудированного, тонко чувствующего

щего Александра Белых, родился он десятью-двадцатью годами раньше, – диссидентство, самиздат, эмиграция. За переводы нового самурая Юкио Мисимы, пессимизм и эротику тогдашняя власть молодого человека по головке не погладила бы.

Но случилось так, что в 1991 году (а это время действия основных событий романа «Сны Флобера») советская власть у нас в стране закончилась, а с ней и прежняя «официальная» и «неофициальная» литература. Литература вообще постепенно стала никому не нужна, тиражи скукожились. Писатели и поэты поколения Александра Белых «попали в непонятное», и его первая заметная публикация в журнале «Иностранная литература» состоялась, несмотря на свободу, лишь в 1999 году.

Именно с тех пор его имя поэта, прозаика, переводчика, эссеиста, сценариста и прочее стало известно сузившемуся изрядно, но все еще широкому кругу ценителей слова. Его собственные стихи переведены во многих странах, его переводы публикуют в Москве и Питере, но все это имеет отдаленное отношение к созданному им роману, пока что единственному.

Роман этот, писанный во Владивостоке в аккурат на рубеже второго и третьего тысячелетий с 1999 по 2001 годы, несет на себе зримые и незримые меты своего места и времени.

МЕСТО: «... салат из морской капусты, и кальмаров с яй-

цом, папоротник с мясом. Оба блюда заправила густой деревенской сметаной. Еще порезала тонкими ломтиками сало, ламинарию они собирали прямо в бухте». Такое постмодернистское меню, сочини его московский эстет, выглядело бы малоталантливой натяжкой, глуповатой и грубоватой издевкой над российской ментальностью. Владивостокский эстет из народа Белых в этом смысле органичен и реалистичен. Что поделаешь, если русских занесло в ту сторону, где водятся крабы, морские гребешки и тигры. И рядом – Япония, рядом – Китай, Корея, и «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада», как гласит неточный перевод знаменитого изречения товарища Мао- Цзэдуна.

ВРЕМЯ: КОГДА НАЧАЛЬСТВО УШЛО, оставив интеллигентное население в нищете, свободе и разрухе, это дало отдельным представителям такого населения уникальную возможность лепить из подручного материала самые фантазмагорические фигуры. «Свободная вещь» -так, по воспоминаниям современников, реагировал великий Андрей Платонов, услышав какую-нибудь нелепую, мало достоверную историю из окружающей его жизни.

Все сюжетные коллизии романа, включая в себя кажущиеся вязким кафкианским сном сцены японских приключений юного героя Ореста (он же – пёс Флобер), тоже в этом смысле «свободная вещь». Равно как и гетеро-гомосексуальное существование разновозрастных и разнополых персонажей на таинственном острове, освященном широкими теня-

ми Петрония и Томаса Манна. Равно, как и Гоголь, который еще «крепче обнял юношу», или чеховская «Чайка», спектакль, где всех персонажей и зрителей арестовали японские городовые. «Свободная вещь»! И то, что дневниковая запись Андрея Платонова за 1942 год, взятая эпиграфом к роману, непостижимым образом проясняет сущность «Снов Флобера» – очередное доказательство того непреложного факта, что на русском литературном пространстве еще полным-полно белых пятен, и границы этого пространства вряд ли когда-либо будут зафиксированы.

Сказано же вам было Классиком, что «широк русский человек», а классики, как известно, шутить не любят. Вынесет и ассимилирует всё – и восточную философию, и марксизм, и «воскрешенье отцов», и «венского шарлатана», и порнографюры древних японцев – вынесет все, и широкую, ясную в жизни дорогу проложит опять в никуда. Что, собственно, мы и видим в финале романа, где автор, занесенный волею автора же, в Аргентину, пытается выбраться из своего же собственного сочинения, но мы так и не узнаем, удастся ли это ему, потому что роман тем временем незаметно заканчивается. У Платонова, кстати, тоже была безупречная пролетарская биография, закончившаяся созданием гениального «Чевенгура», книги, которая, на мой взгляд, занимает в нашем российском менталитете такое же место, как «Улисс» Джойса в менталитете западном.

Но я, упаси Бог, вовсе не собираюсь обвинять Александра

Белых в гениальности, которая, как известно, всегда находится на грани безумия. И он вовсе не выпадает из современного литературного контекста, где уже существует «Кесарево свечение» Василия Аксенова и его же «Новый сладостный стиль». Где дерзает « в поисках утраченной метафизики» мой сверстник Анатолий Королев и экспериментирует с новой реальностью относительно юный Павел Быков (не путать с Д. Быковым, тоже пока что достаточно юным)!

И мне почему-то не хочется пускаться в литературоведческие рассуждения о том, как сделан этот роман и что это – развернутая ли метафора о страшной и одновременно убогой силе женской любви, способной превратить выбранный объект в животное? Или книга странствий русской МЕРТВОЙ ДУШИ среди временно живых героев? Или просто – случилась, знаете ли, граждане, такая СКАЗОЧНАЯ история с ужасным концом, паренек японку полюбил, а она, сука, его заколдовала, научила есть похлебку из собачьих потрохов...

Пушай обо всем этом критики пишут, когда роман появится на прилавках.

Пушай себе соревнуются в рассуждениях о расцвете и закате постмодернизма, о концептуализме, авангарде и влиянии европейского декаданса на японцев, которые в свою очередь повлияли на писателя Белых.

А также о расширении границ русской прозы, о подлинном, не мнимом взаимовлиянии культур. Когда не «Книга

оборотня» механически переносится на постсоветскую почву, а вырастают на этой почве диковинные, но вполне съедобные плоды, корешки которых находятся неизвестно где, в неизвестном пространстве, неизвестном времени, отчего и не имеют никаких зримых границ.

Мне, впрочем, пора закругляться. Я лишь добавлю напоследок, что роман «Сны Флобера», на мой взгляд, – это подлинная, высококачественная, штучная русская современная книга. Кто-то такую книгу на переходе второго тысячелетия в третье должен был написать. И то, что это досталось сделать Александру Белых из Владивостока – его счастье.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

12 февраля 2007

г. Москва

От автора

Это медлительное повествование, исполненное смысловых перверсий, может показаться слишком медленным для современного читателя, но его никто не торопит. Живите медленно, смотрите медленно, любите медленно! Это время медленной женщины – главной героини романа, способной (и не ведающей об этом) без волшебства, силой только своего чувства перевоплотить возлюбленного в образ своего вождения.

Роман насыщен уликами идеального преступления, найти их – тоже своего рода медленное расследование. Для читателей срединной России действие происходит в экзотических местах – во Владивостоке и Японии, но события романа могли бы развиваться и в любом другом географическом месте. Это не столь существенно: превращение героя возможно только в метафизическом пространстве. И всё же место действия выбрано не случайно.

Вы станете свидетелем не столько любовных отношений, сколько участником стилизованной и иронической литературной игры, в котором персонажи и их двойники-маски вовлечены в предсмертное сновидение любимого существа героини – сенбернара Флобера, чья душа странствует в поисках сочинителя и своего нового воплощения – быть может, самого читателя.

Роман о том, как пишется роман.

Марго караулит кофе

Яркие вспышки битого стекла на косогоре среди рыжего глинозёма, камней и сухих прутьиков полыни, колышимой северо-западным ветром, привлекли внимание сороки-белобоки из двойного гнезда на железобетонном фонарном столбе на углу высокой ограды городской тюрьмы.

Марго любила наблюдать за жизнью сорочьей семьи. Ей было невдомёк, что эти любопытные и прехитрючие птицы тоже могут шпионить за ней. Марго прищурила глаза. Её мысли вспыхивали и гасли.

Она думала: «Вот завести бы себе золотую рыбку, запустить её в маленький аквариум, совсем маленький, на литр-полтора-два – ах, найти бы такой круглый! – поставить на колени, обнять обеими руками и любоваться тихими зимними вечерами. Чем же кормят их, этих самых золотых рыбок? Ведь надо будет менять воду – из-под крана нельзя – один раз в неделю, наверное, или реже, раз в месяц. Да-да, по четвергам, в мои творческие дни. Вот и славненько! Кстати, во что же она обойдётся мне эта радость? Ах, сколько забот сразу, слава Богу, что кошки еще нет...»

Марго представила, как пузатенькая рыбка с золотым позументом, увеличенная водой и аквариумным стеклом, лениво колыхая плавниками, открывает губастый рот и беззвучно, с паузами в долю секунды, артикулирует: «О! О! О!

О!» Тонкие губы Марго невольно издали звук, похожий на звук лопнувшего мыльного пузыря. Пух!

Она близоруко смотрела вдаль сквозь очки, сквозь двойные стекла окна, за которым проходила жизнь, как в немом кинофильме. Да, да, вот именно, как в кино, в её собственном домашнем кино, которое она снимала когда-то не в воображении, а на восьмимиллиметровую плёнку.

Сильный ветер выгибал ветви деревьев, срывая редкие листья; воробьиная стая, пугливо переметнувшись через тюремный забор, укрылась под карнизами высотных зданий; мимо мчались машины и троллейбусы, торопились пешеходы – всё это было как бы по ту сторону аквариума, в котором уныло и неприхотливо жила Марго.

Вид из её окна напоминал носовую часть огромного корабля, который будто врезался в синеву горизонта и, рассекая волны, куда-то плыл, плыл, плыл – то ли к совершенству, то ли к смерти.

Бурные тёмно-синие волны и облака создавали у женщины ощущение бесконечного, непрерывного движения. Это ощущение не покидало Марго даже ночью: огни города, подобно палубной иллюминации, рисовали в её воображении контуры корабля, плывущего в черном пространстве, над которым проливался звездным молоком Большой Ковш. На исходе зимы на горизонте вырастали невысокие глыбы айсбергов – заснеженные сопки противоположного берега Амурского залива, подёрнутого синевой. Глядя в ночные окна,

Марго часто приговаривала:

– Куда ж нам плыть?..

Тяжёлые буро-зелёные шторы, свисающие с карниза, словно листья ламинарии в сушильне, с пронзительным скрипом железных крючков отлетели вправо и влево – к стене с ковром и к стене с книжным шкафом. Марго впустила дневной свет в единственную комнату, служившую ей одновременно и спальней, и кабинетом, и гостиной, и медленно поплыла на кухню, чтобы выкурить сигарету. В шкафчике у неё хранилась початая красная пачка «Винстона», оставленная на прошлой неделе Артуром, студентом, сочиняющим под её началом диплом на тему о соотношении символа и реминисценций в поэзии Фудзивара-но Садаиэ.

– Оставь мне пару штук, хорошо?

– Да берите всю! – великодушно предложил Артур.

Кто-то пустил слухок по коридорам азиатского факультета, что у него с Марго якобы роман, адюльтер, интрижка. Разговоры недоброжелателей окольными путями дошли до Артура, безобидного и, как она говорила, смазливой паренька, умеющего копировать голоса и жесты преподавателей. Эти сплетни вовсе не обескуражили его. Он даже немного возгордился сомнительной славой. Он был вхож в дом Марго, приносил на хвосте всякие коридорные сплетни, плохо отзывался об одном сокурснике – «этом, как его» – Оресте, который, мол, что-то иронически-пренебрежительное сказал в адрес Марго и т.д.

Ещё раз пробежав глазами машинопись с переводами, она заметила ритмическую ошибку в стихотворении, но отложила бумаги в сторону – до очередного вдохновения. Чаше на помощь вдохновению приходила добросовестная усидчивость, в крайнем случае черновую работу подмастерья выполнял какой-нибудь студентишка.

Вид из второго окна, где стоял её рабочий стол, был невзрачным: угол городской тюрьмы, телефон-автомат с разбитой кабиной; окна многоэтажных домов, из которых, казалось ей, наблюдают за её жизнью. Комнатные цветы на подоконнике – гортензия и разросшийся терновник – хоть как-то заслоняли унылую картину, безрадостно напоминавшую район Текстильщики в хлебосольной Москве, где она не раз останавливалась у своих неприветливых родственников, приезжая в нечастые научные командировки.

Десять лет её однообразной жизни, одиноко проведенные в этой комнате, без ущерба можно уплотнить в один год, а весь год – в одно предложение. Одним словом, Марго жила тихо и почти без событий.

Вот это маленькое «почти» сидело в ней занозой. Она считала, что все главные события происходят не в биографии, а в душе, как у всякого русского интеллигента, – то есть где-то в области метафизики. Её события были сродни маленьким духовным подвигам, которые совершают в тиши келий отшельники и монахи. И совсем неважно, если никто не заметит их, ведь на то есть Бог! Она верила в него не потому,

что была религиозна, не из любви, а из опасения, на всякий случай, как бы впрок, словно покупала одежду на вырост, *en disponibilite`*, а вдруг её вера да пригодится в лихую годину. И всё же она считала чудовищным, что её жизнь, исполненная духовных подвигов, когда-нибудь обозначится прочерком, минусом между двумя датами – рождения и смерти.

«Кстати, – предавалась математической мистике Марго, – если от меньшего числа, то есть даты рождения, отнять дату смерти, то получится число со знаком минус, которым означаетсЯ время инобытия. Приходит время расплаты, а за прожитые годы набегает проценты. И платить нужно всегда больше, чем тебе отмерено на жизнь. А чем платить? Конечно, числом перерождений!»

Она предчувствовала, что если нагрянет смерть, то никто не будет проливать скорбных слёз; поговорят немного и благополучно забудут. В крайнем случае, какой-нибудь читатель полистает её книжки. Слабое утешение. «Что вечности до наших дней, до наших деяний?» – приговаривала Марго. Однако ею двигало желание оставить след в душе человечества, за что и следовало бы уважать любого деятеля, если бы не было так много желающих наследить да натоптать на этой земле, а потом удалиться в бессмертие с чувством выполненного долга.

Когда-то будущее для Марго представлялось в виде тихой уютной комнаты, куда она однажды придёт с запотевшими от мороза очками, поставит вещи у порога, снимет пальто и

скажет: «Ну, вот я и дома!» Уют для неё ассоциировался со щенячьей лаской любимого, подаваемого по утрам чашечкой кофе, литературными трудами. Это была комната грёз, вроде волшебной коробочки – откроешь её, и сразу рисуется отдельно взятое будущее. В нём время переставало быть. И вот она стояла на его пороге, а позади неё захлопнулась дверь.

* * *

Сквозняк хлопнул дверью так громко, что стёкла продолжали дрожать, пока она снимала кожаное пальто. Комната грёз превращалась в комнату скудных воспоминаний, в комнату тревог, перерастающих в безвольное отчаяние без жалоб, без проклятий. Не каждая вещь – свидетельница какого-нибудь события – могла вспомнить, при каких обстоятельствах она появилась в негромком доме Марго.

Её жизнь была похожа на ежедневное восхождение к неизвестным вершинам, но каждый раз она оказывалась на девятом этаже своей однокомнатной, стандартной квартиры. Когда Марго погружалась в чтение, её комната как бы изменялась во времени: из коробочки для вещей она превращалась в средневековый замок с черными деревянными полами, с ширмами, с шорохами, шёпотом и призрачными тенями. В этом замке было множество комнат. Однажды она отправилась по дороге вчерашнего дня и заблудилась. И никто не

кинулся её искать. Только сквозняк завывал вслед, как сейчас между домами. У-у-у!..

При одной мысли, что комната её грёз превратится в комнату смерти, бедную Марго знобило, мозг пронзали иглы – казалось, он ошетикивался, словно тот ёжик, которого она однажды в детстве нашла в пригородном лесу. «Господи, кто же будет меня выносить?» – просыпалась она по утрам с этой жуткой мыслью. Однако она боялась не столько смерти, сколько сопутствующих ей обстоятельств: мертвецкой, трупов, отпевания, музыки, погребения.

Её будущее обретало новый смутный образ – комната в богадельне. «Нет, нет, нет!» – в отчаянии шептала она, натягивая на голову одеяло, и крепко жмурилась. Она считала до пятнадцати, подавляя слёзы; потом открывала глаза. Никого не было, все уже успели спрятаться! Ей вспомнилось, как её обманули в детстве ребята, когда играли в прятки: вместо того, чтобы спрятаться, они убежали от неё на море.

«Инти-инти-интерес, выходи на букву О. Орест, Осирис, Орёл, Осёл. Где вы все, мои любимые? Пойти на базар, купить курицу, запечь в духовке, сегодня Владик придёт на обед...»

Марго отвернулась от окна, чтобы проследить за кофе.

Любовь её, как правило, черпала силы в ревности. «Ревность – вроде речного ложа, которое принимает, воды любви, удерживает их в своих берегах и даёт им направление, пока

они не впадают в воды забвения, в которых неведомо куда плывёт мой бумажный кораблик вместе с домом на Орлином гнезде, вместе с кружащими над ним коршунами». Ей припомнилась эта фраза из дневника Владика. Марго примеривала эту «мальчиковую» мысль к себе — она была ей впору. Чувство ревности подменяло её любовь, вступало в пугливый союз с местью. Это был волшебный пьянительной напиток...

Марго вспомнилось, что когда-то в детстве она жила с мамой в комнате ожидания на железнодорожном вокзале в течение трёх дней. Папа не встречал. В управлении сказали, что на одной шахте случился взрыв, и ему пришлось уехать в командировку, соседей тоже дома не оказалось. Она улыбнулась той детской улыбкой пухленькой девочки с косичками, которые заплетала по утрам бабушка своими сухими, как пергамент, руками. Они были в гостях в другом городе, в Благовещенске. Когда приехали домой, то выяснилось, что забыли ключи на этажерке в прихожей. Дали телеграмму родственникам с просьбой передать ключи через знакомого проводника. В ожидании ключей они жили на вокзале. Это были самые замечательные дни. Гнусавый твякающий голос из репродуктора объявлял поезда; станционные огни светили в большое окно комнаты матери и ребёнка; она засыпала под стук колёс, отправляясь с восьмого пути, или со второго, или с пятнадцатого в неведомые города, так похожие на её грёзы.

Она поймала себя на мысли, что путешествие еще не закончилось, что она продолжает куда-то плыть вместе с сорокой на столбе и двухэтажным гнездом, вместе с машиной, выезжающей из ворот тюрьмы и тюремными склянками в полдень.

Если бы она доверила свои печальные мысли дневнику, который неприметно вела на обратных страницах чужого дневника (Марго переводила его последние два года), то навряд ли какой-нибудь читатель откликнулся бы сочувствием к её печали. Не потому, что она была поддельной, а скорее, наоборот: в мгновения подлинных чувств редко находятся истинные, единственные слова – вот почему страница, датированная сегодняшним числом, останется навсегда нетронутой, пустой.

Она переводила средневековые дневники японской придворной дамы, прислуживавшей в императорских покоях. Необычность дневника была в том, что дама писала от лица мужчины. В нём описывалась любовная история мальчика четырнадцати лет. *«Во времена правления императрицы Кокэн жил один монах при храме Такамадэра, что находится в провинции Ямато. И вот однажды случилось несчастье: умер его самый любимый послушник. Монах был неутешен в горе, но прошли дни и месяцы, и он стал постепенно забывать о нем. Однажды весной в его сад прилетел соловей, сел на ветку сливы и запел словами. Священник удивился, но все-таки записал слова. Перечитав их еще раз, он обнаружил,*

что слова слагались в стихотворение в китайском стиле: «Я прилетал сюда каждое утро ранней весной, но, не увидев тебя, я возвращался в свое гнездо». Священник, тронутый до слез, понял, что это был перевоплощённый в соловья его любимый послушник. Он вытер слезы и несколько раз прочитал молитву об успокоении души мальчика... »

Марго, стоя возле окна, сложила руки на груди. Наружные стекла были испещрены пыльными оспинками. «Никого не разжалобишь в этом мире, разве что Бога! Да и окна надо бы помыть...» Глаза её затуманились слезами. Дома накренились, воображаемый корабль накренился вправо, зачерпнув тёмно-синие воды Амурского залива; четкие очертания городского пейзажа стали расплываться, троллейбусы сталкивались с автомобилями, деревья валились наземь, прохожие передвигались с трудом, их зонты выворачивало наизнанку. Марго невольно схватила руками за подоконник, чтобы удержаться в этой причудлившейся качке, прислонилась головой к стеклу, словно золотая рыбка в аквариуме, мысль о которой вызвала внезапные слёзы. Они скатывались по щекам, прокладывая холодный след. Где-то в груди застрял мучительный стон, затем он подкатил к гортани и вырвался глухонемым бессильным «О».

Этот воображаемый тайфун длился, пока варился кофе, пока она оплакивала свою жизнь, свою любовь. Кто-то говорил ей: «Когда уходит любовь, что остаётся от сердца? Ведь

каждый возлюбленный отламывает от него лакомый кусочек». Если бы она сейчас увидела себя в зеркале, то повторила бы с усмешкой своё излюбленное выражение: «Как я красива в печали!» Её печали, как стекающая вода в жёлобе, закручивались всё сильнее и сильнее. «А в будни я такая дурнушка. Почему я такая красивая сейчас? Именно сейчас, когда совсем недурна собой, меня покидают. Не прощу ему! Никогда не прощу! Я ведь знала, чем всё закончится! Ещё прибежит ко мне, как пёс бездомный, лизаться будет, извиняться... Прочь, слёзы! Прочь!»

Кого она гнала от себя? Она прогоняла память, она желала бы стереть её ластиком как что-то постыдное или обидное.

Из-за тучи вновь вынырнул солнечный луч. Цап-царап – и его поймал осколок бутылочного стекла, лежащий под откосом сопки. Марго зажмурила глаза, вытянув шею. Сквозь прищур она посмотрела вниз, словно с обрыва, припоминая с замиранием в сердце сегодняшний сон. Дужки её очков глухо звякнули о стекло окна.

В какую-то долю секунды ночная картинка в смутных образах промчалась перед её глазами. Голова пошла кругом. Солнечный зайчик снова выскочил из жидких кустиков поляны. Луч метнулся вверх и коснулся ресниц Марго. Вдали, в заливе набухал под ветром фиолетовый парус белой яхты, уступая дорогу огромному океанскому лайнеру – полуострову с расположенным на нём городом.

Дома качнулись в другую сторону. Корабль неуклонно продолжал идти своим намеченным курсом. Волны беспомощно барахтались в море. Это напомнило Марго о белых хризантемах – излюбленной поэтической метафоре японцев, кстати, позаимствованной у китайцев. Она играла с солнечным лучом в жмурки, представляя, что это её золотая рыбка, колыхая плавниками, отсвечивает чешуёй под электролампой, когда долгими зимними вечерами она будет сидеть за каким-нибудь вязанием или распускать старую кофточку. Нет, она распустит свитер, связанный когда-то для Ореста, её инфантильного мучителя и негодяя!

Марго знала, как задобрить свою печаль. Она решила связать себе платье – длинное, до самых пят, «чтоб не задувал низовой ветер». Оно покроется цветами, как вишни на острове Рейнеке. Пусть одна веточка вытянется по диагонали через всё платье – точь-в-точь как узор в иностранном журнале по вязанию.

Она вспомнила разговор с мамой по телефону: «Я же говорила, что он тебя бросит. И бросил! С кем ты связалась...» Вместо сочувствия в голосе мамы слышалась горделивая правота. Скорее, это было злорадство, как показалось мнительной Марго. «Может быть, теперь ты будешь уделять мне больше внимания...» Эти слова больно задели её самолюбие явной несправедливостью, потому что Марго исправно звонила маме, раз в неделю заходила к ней домой проводить после работы. Однако её приход почти всегда заканчи-

вался маленьким семейным скандалом, после чего она порой целую неделю не могла набрать номер маминого телефона. Это служило поводом для очередного упрёка, препирательства тянулись годами, они стали правилом их отношений, как застарелая болезнь. Их конфликты произрастали из скрытого женского соперничества, хотя делить им было некого и нечего.

Марго, будучи филологической дамой, занималась, по собственному саркастическому выражению, авторской наукой и, компилируя чужие труды, сочиняла свои книжки. Коллеги не шибко уважали её за эти праведные труды. Они занимались тихим семейным строительством, были далеки от писательства, тем более от научных интересов, и всё-таки завидовали Марго. «Ну, конечно, ей можно заниматься наукой, она же без семьи!» – говаривала бывшая подружка Марго по аспирантуре. Всю московскую аспирантуру подружка пробегала в поисках суженого, никогда не терялась с мужчинами, а Марго просиживала свои лучшие годы в библиотеке иностранной литературы, занимаясь изысканиями. Вечера тоже проводила за книжкой, читая малодоступного, утомительного, как бабушкино веретено, Марселя Пруста, часто представляя себя то девушкой в цвету, то в образе Альбертины. Если б она знала тогда, что в этой героине, скрывающейся за портьерой, писатель изобразил личного шофёра, своего возлюбленного Альберта Агостинелли.

Мама её, Тамара Ефимовна, «уважала» выпить. Немного.

Будучи слегка во хмелю, она часто поднимала болезненную тему женского одиночества:

– Вон Э. и сына родила, и замуж вышла, ну и что, что не закончила аспирантуру, что от этого, потеряла что-то, нет же...

И так далее в том же духе. Если кто-то появлялся на личном горизонте дочери, мать начинала ревностно расспрашивать, что да как, достоин ли он, исподволь подталкивая к мысли, что он не годится, и все заканчивалось пустыми хлопотами, как говорили карты, которым верила или не верила, но всегда гадала на червовую даму.

– Где же я буду искать, не на улице же? – отговаривалась Марго.

– А где находит Л. своих мужей? На улице, уже четвёртого! – не унималась мама.

– Она такая вертихвостка! Всегда в обнове, вся в золоте, на каждом пальце... Она так поправилась.

Раньше, сокрушалась Марго, на студенческую стипендию она могла купить себе золотое колечко, а теперь что? Даже на две зарплаты не купишь!

Как ни странно, сплетни о подругах примиряли мать и дочь.

– Невезучая ты у меня. В кого только? А род-то вымирает ведь...

– Ведь! – с досадой повторила Марго.

Впрочем, однажды она заговорила на улице у киоска с

незнакомым молодым человеком. Он выбирал перчатки на осень, весело разговаривая с продавщицей. Вот тут-то она вставила слово (кто тянул её за язык?): мол, как эти бежевые перчатки идут к его плащу, а потом добавила – и к цвету глаз тоже. Молодой человек улыбнулся уютной, домашней улыбкой.

– Правда, идут? – спросил он. Потом представился: – Герман, а как зовут вас?

Она постояла рядом и, ничего не купив, пошла своей дорогой с односторонним движением. Когда обернулась на мужчину, их взгляды встретились. Он снова улыбнулся. Незнакомец уходил без покупки. Он не принял совета женщины. Дня через три она вспомнила с грустью эту улыбку, а однажды лицо этого мужчины снова мелькнуло в толпе. Как она тосковала по этой обыкновенной улыбке! «Почему я не могу так запросто, непринуждённо разговаривать с людьми на улице?» – спрашивала она себя.

Она не просто смущалась, а избегала мужчин. Душа её была похожа на раковину, которая сразу захлопывает створки, едва к ней прикоснешься. Видимо, из-за этого судьба привела её к изучению средневековой литературы. Однако настоящее редко нуждается в прошлом, когда все озабочены повседневностью. Марго продолжала жить в отблеске чужих жизней, чужой культуры, давно умерших чувств, чужих утрат. Порой она оказывалась во власти ощущения, что время утрачивало линейное течение, замыкалось в самом себе.

В сознании Марго эпохи существовали одновременно, наслаивались друг на друга по образу китайской пагоды. И вот, когда время-река переставала течь, и в неё можно было входить и дважды и трижды, с Марго происходили странные метаморфозы. Персонажи переводимых произведений как бы выходили из текста и становились её собеседниками, и Марго уже не различала, кто есть кто. Общаться с книгами великих мертвецов было безопасней, чем с людьми на улице, на кафедре или в магазине. Какое же разочарование внушило Марго эту мизантропию?

Как-то перечитав дневник дочери Сугавара-но Такасуэ, она разрыдалась над горестями девушки, приняв их близко к сердцу, как свои собственные. И вправду это были печали Марго. *«...В то время собою я не была хороша, но думаю, что повзрослею и расцвету небывалою красотой, и у меня непременно будут длинные-длинные волосы...»* Она пряла нить своих и чужих печалей. Реальным людям значительно сложнее сочувствовать, чем литературным персонажам.

Марго хотела прожить свою жизнь без черновигов, набело, вот и не решилась замарать чистый лист бумаги. Она пошла в бабушку, которая приучала внуку к умным книжкам. Когда-то до революции их семья была богатой; её отец, купец первой гильдии, торговал пушниной. Бабушка хотела учиться в Сорбонне.

– Катенька, зачем тебе учиться? У меня денег столько, что их хватит на тебя, на твоих детей и еще на внуков, – говорил

отец, сдувая пылинки с воротничка.

Вот эту свою страсть к знаниям бабушка внушила Марго, которая сожалела, что дед отказался бежать из Владивостока вместе с белыми, когда бежали все, у кого имелся хоть какой-то маломальский капитал. Приказчик звал деда в русский Харбин, а затем – куда Бог укажет: в Австралию, Европу или Америку... Он отказался из-за болезни. Дедушка умер в начале тридцатых годов, когда разорившиеся крестьяне заполняли городские улицы.

– Ему повезло, умер вовремя, – таинственно говаривала бабушка.

Их семья владела особняком, тем самым, где сейчас расположен зелёный магазин «Ив Роше» на улице советского адмирала Фокина. Когда Марго возвращалась из школы, бабушка, кивая на пионерский галстук, вкрадчиво просила:

– Сними эту тряпочку.

Это почти ритуальное выражение как бы разделяло жизнь Марго на два мира.

Карьеру в университете у неё не получалось сделать: кафедрой она не заведовала, в партийной жизни не участвовала; читала лекции, руководила студенческими дипломами. Факультет считался идеологическим, в сознание студентов внедрялась мысль, что они находятся на переднем крае борьбы с пресловутым капитализмом. Однажды она упомянула о буддизме в связи с восточной поэзией, так на следующий день декан сделал замечание – мягко, по-дружески, мол,

Марго, что ты там студентам такое рассказываешь, компетентные органы интересуются, не надо говорить ничего лишнего. Ясно было, что кто-то из студентов стучит, и Марго прикусила язык.

– Маргоша, процеживай информацию, – говаривала мама.

Раньше она позволяла себе с некоторыми из них покурить прямо на кафедре, выдыхая дым через форточку; даже устраивала вечеринки и спектакли, советуясь с мамой, которая работала в театре; часто проводила время в студенческой компании, была намного общительней. После этого инцидента стала осторожной, подозрительной, замкнулась в себе.

Мама вышла замуж рано, за человека старше себя на восемнадцать лет, он был советским начальником, выходцем из деревенской голытьбы (как говорила шепотом бабушка, когда была сердита), из латышских или финских переселенцев. В эпоху коллективизации он бегал с наганом, пуская по миру зажиточные семьи, выдвинулся в начальники, стал управлять шахтами, возводил города. Бог знает, какие грешки водились за ним: он был угрюм и молчалив...

Марго стояла у окна, сжимая в руке кухонный нож. Из тюрьмы пустили солнечного зайчика, луч упал на стальное лезвие. Взгляд её устремился вдаль. Вдруг она ощутила тяжесть пустоты.

Каждый прожитый день превращался в метафизическое

ничто. Как научиться жить в пустоте, в *ничтожестве*, ложиться в холодную постель? Переводы и вязание кое-как отвлекали от горестных мыслей. Она будет набирать петли на спицы и сбрасывать лишние; сброшенные со спиц петли станут воплощением одиноких ночей, проведённых без любви. Из этих «пустых петель» складывалась её жизнь.

* * *

Марго караулила кофе. Она прозевала его, заморожённая блеском стёклышка.

– И всё же он сбежал! Да, он сбежал, сбежал, сбежал...

Почти навзрыд повторяла эти слова, как заклинание, пока кофе заливал плиту, выбегая из кофеварки. Каким бы негодяем Орест ни был, он был единственным мужчиной и её единственным событием в течение последних лет, когда она чувствовала себя счастливой, несмотря на слезы, обиды и размолвки.

И всё это время Марго преследовал страх, что её тайное счастье, обыкновенное, человеческое счастье откроется другим. Под другими она подразумевала кафедральных коллег. Ведь он был её студентом, причем не самым лучшим. «Как я могла так вляпаться в эту аморальную историю?» Если бы Марго не завалила его на экзамене, может быть, ничего в её жизни и не было.

– Не надо ставить двойки студентам, – поучала мама. –

Они ещё пригодятся тебе. С ними надо дружить...

Однажды весенним утром она проснулась оттого, что будто бы дворняга лизнула в лицо. Марго открыла глаза, улыбнулась. Шершавый, влажный язык обжигал щеки, как будто их тёрли наждачной бумагой. Она прикоснулась к ним рукой, чтобы убедиться: явь ли это или сон? В детстве у Марго была собака, дворовая. Марго вспомнила страстное детское желание иметь собачку в доме, чтобы та жила на коврик у порога. Отец не любил живности в квартире. Он был суров, его любовь выражалась в формуле: «Я груб, но справедлив». Он никогда не был ласковым. Он, наверное, любил дочку, но Марго не замечала этого, да и не задумывалась о том, как должна проявляться отцовская любовь. Он был кем-то, кто утром уходит, а вечером приходит. Однажды он ушел навсегда. Отец не верил ни в воздаяние, ни в наказание, ни в возмездие. «Я расплачиваюсь своей долей за отцовские грехи?» – сокрушалась Марго, наполняя сердце ложными укорами.

Она родилась вскоре после войны. Мама с новорожденным ребенком стояла на крыльце родильного дома. Никто их не встречал. Хлынул весенний проливной дождь. Редкие автомобили и трамваи рассекали потоки воды. Прошел унылый строй промокших японских военнопленных, которые строили дома и дороги, в том числе их дом на Тигровой сопке, куда предстояло юной Тamarочке вернуться с новорожденной Марго. Она ждала минут пятнадцать, пока утихли-

рится дождь, чтобы перейти улицу и сесть на трамвай. Марго, узнав эту историю, не могла простить отцу, что он не приехал забрать своего ребёнка и жену, а послал за ними служебный автомобиль, да и тот приехал с великим опозданием. Мать с новорождённой на руках уже сидела в трамвае.

И вот сейчас, лёжа в постели и радуясь доброму видению собачки, мысль о расплате за прегрешения отца на мгновение покинула её беспокойный ум. Теплые сексуальные мечтания, словно рыбки, резвились в её теле, покусывали щиколотки, замутили взор. Марго приближалась к возрасту, когда о незамужней женщине несправедливо говорят... Это слово замалчивалось. Еще десять лет назад мама повесила на неё дурацкое клеймо.

– Мама, на что толкаешь меня! – возмутилась Марго после очередного маминого откровения.

– Не в старых же девах ходить, Маргоша! Жизнь проходит! – высказывала мама совершенно трезвые мысли хмельным голосом.

Марго прижала руки к груди, словно боясь кого-то упустить, и зажмурила глаза. Она проснулась окончательно. Однажды её осенила догадка, что в сновидениях больше событий, чем в повседневной жизни. Она никогда не забывала своих снов после пробуждения, бережно лелеяла ночные впечатления, пыталась найти им своё собственное толкование без всякого там карл-юнг-зигмунд-фрейдовского уклона.

За их символами, опираясь на женский опыт интуиции, она видела реальные события будущего. «Если снится собачка, значит, кто-то сделает мне хорошее», – просто решила Марго. Загадка заключалась в том: кто бы мог сподобиться, от кого можно ожидать доброты? Ах, да! В Токио у неё был старинный поклонник. Они познакомились, когда она была еще совсем молода, а ему – за сорок. «Неужели мой старичок пришлёт открытку?» – предположила Марго и с надеждой начала новый день. «Что ж, открытка – это тоже повод, чтобы радоваться жизни».

С утра она хлопотала по дому, гладила бельё. Тюк из прачечной она принесла ещё позавчера, кое-как дотащила наверх, сначала по лестнице вдоль тюремного забора, потом до дверей на девятый этаж. Лифт не работал. Отключили свет. В детстве каждый раз, когда мама гладила бельё, она назидательно говорила Маргарите: «Будешь взрослой, заведёшь семью – всегда гладь бельё!» Марго так и поступала.

Ей постоянно мерещилось, что дворняга, которая якобы разбудила её сегодня утром, трётся о ноги, тянет за край простыни. Бегает за ней на кухню. Когда в коридоре хлопнула соседская дверь, ей показалось, что дворняжка даже зарычала. Марго улыбнулась:

– Господи, для кого это я наглаживаю?

Так она наполняла смыслом свое рутинное небытие. Вытирая пыль на комод, заставленном безделушками, и с картин, развешанных по стенам, она приговаривала:

– Пыль забвения, долой!

Потом она долго натирала зубной пастой медный кувшин с длинным горлышком и крышкой и широкую медную чашу для фруктов. Третьим предметом из этого набора была узкая ваза для цветов. Розы давно высохли. Эти вещи, украшенные восточным резным орнаментом, она привезла из Ферганы. Орест был большим выдумщиком. Когда его охватывало желание, он просил её (иногда умолял) потереть нежно рукой о горлышко кувшина, затем изображал себя освободившимся из заточения джинном, совершал с ней стремительные путешествия в страну сексуальных грёз.

– Вспоминай, когда будет скучно в дни одиночества! – сказал он.

– Ты что, хочешь меня оставить? – спросила она, взглянув в его большие глаза, и пригладила пальцем его густые брови.

– Нет, а вдруг потеряюсь, как твоя собачка! – насмешливо ответил Орест.

Вечером, переделав уйму дел, Марго села за вязанье. Она примерила кофточку, приложив к плечам, а потом нечаянно обронила на колени. Вдруг она схватила её и прижала к груди. Так прижимают родного, близкого человека. Никогда в жизни, даже в детстве, Марго не тискали, не прижимали, не говорили обычных ласковых слов, вроде «моя рыбка, моя пташка». Отец считал, что это размягчает характер, а жизнь суровая... Марго стало грустно, и она разрыдалась. Лицо за-

пылало. Было уже темно, день закончился.

– Сон не в руку! Пустые хлопоты – отчаялась Марго. – Ожидание просочилось песком сквозь пальцы.

Она взглянула на ладони. Пальцы нервно дрожали. Синенькие венки дёргались от усталости:

– Это ж надо столько утюгом махать!

Черно-белый телевизор убаюкивал популярными гипнотическими сеансами. Марго убавила громкость. Она включала радио или телевизор только для того, чтобы отвлечься от сводящего с ума звона в ушах. Это была взрывоопасная тишина. Если бы можно было взять эту тишину и разорвать в клочья, как она рвала свои дневники, стихи, бумаги – свидетелей отчаяния Марго! Она сравнивала себя с подводниками. Один студент, служивший во флоте, как-то рассказывал Марго, что когда субмарина после многомесячного пребывания под водой всплывает на поверхность океана, то первое желание, которое возникает у тех, кто вышел наружу, это накричаться во всё горло, взорвать тишину, наполнить лёгкие пространством. И ещё она подумала: «Не так ли Бог раздирает себя, чтобы докричаться до людей?»

Она не стала перестилать постель, решив сделать это на другой день, после того, как примет ванну, почистит свои фазаны пёрышки, сделает маску, покрасит волосы. Марго ополоснула лицо холодной водой, щёки продолжали пылать. «Хоть лепёшки выпекай на моих щеках, такие горячие!» Переодеваясь в ночную рубашку в голубых васильках, она по-

гладила свой живот, осмотрела себя в зеркале, полюбовалась красивыми бёдрами.

Ночью ей приснился большущий, белый-пребелый каравай. Этим караваем была баба, но Марго точно знала, что это она сама, хотя наблюдала со стороны, как забавная чёрная собачка, сеттерок, обнюхала её со всех сторон, а потом подняла заднюю ногу и пописала. «Он пометил тебя, значит, ты принадлежишь ему», – разгадала она во сне свой сон. И еще подумала: «Хорошо умирать в таких снах!» Она брела в ромашковом поле, собирая цветы, чтобы сплести венок для своей собачки, которая, виляя хвостом, бежала впереди. Её любимый сеттер заливался лаем, но она не слышала его. Потом она перестала чувствовать запах. Налетел ветер, и все ромашки склонились в её сторону. Что-то жалобное было в них. Баба-каравай превратилась в перекасти-поле. Марго ничего не могла понять, но сознание подсказывало, что это просто сон, и она подумала о времени: «Который час?»

Марго никогда не путала сны с реальностью, но любила перетасовывать их. Иногда ей казалось, что её жизнь – это чей-то смутный сон, тайнопись которого ей предстоит разгадать. Когда на душе бывало скверно, она утешалась наивной мыслью, что когда тот, кто видит её жизнь как свой сон, проснётся, то все её боли снимет как рукой. Женщина никогда не задавалась вопросом, почему именно он, которого именovala сновидцем, должен проснуться, а не она, Марго.

...Осень – время Будды. С этой мыслью она шла через парк, бывшее городское кладбище, где был похоронен её православный дедушка, неподалёку от затерянной могилы правнука Пушкина. Церковь взорвали под медные фанфары и при большом скоплении угрюмого народа, а кладбище снесли, устроив вместо него увеселительные аттракционы для советских детей. Когда открывали гробы, рассказывала бабушка, там были одни генеральские мундиры при орденах...

Уже много лет её жизнь протекала в треугольнике: Тигровая сопка, Покровский парк, Орлиное гнездо. Было это осенью или весной? «Он припёрся ко мне домой», – раздосадовано фыркнула Марго. Осенняя листва на дубах ещё зеленела. «Моя жизнь как ворох опавших листьев...» Она чувствовала, что кто-то вмешивается в её мысли, и незаметно стала разговаривать с ним. Её собеседником был кленовый листик, и мама, и сеттер, и незнакомец, и литературный герой переводимого ею дневника одной хэйанской придворной дамы, и бог весть кто ещё. Неведомый сновидец знал о ней больше, чем она сама. И она недолюбливала его. Кто это был?..

Она предпочитала оставаться тайной за семью печатями, а если этой тайне суждено быть записанной на бумаге, то желательно невидимыми чернилами или другими знаками, вроде пиктограмм. Так она и жила *нераспечатанной*, как бутылка с письмом, странствующая по волнам, пока не появился Орест...

Он шёл из глубины парка наперерез Марго. Курчавый и небритый. В пальтишке. Тёмные волосы собраны на затылке пучком. Держа под мышкой виниловые пластинки, он немного сутулился. Они не видели друг друга, каждый был занят своими мыслями. Едва не столкнулись лицом к лицу.

– Здравствуйте, Маргарита Юозефовна!

Это был её двоечник. Она сразу приняла воспитательно-педагогическую стойку, на всякий случай, как её воображаемый охотничий пёс. Ей не понравилось, как он произносил её отчество. Он так тщательно артикулировал, что его чувственный рот слегка перекосило. Ей показалось, что он насмехается над ней. За глаза её звали просто Юзя, или Юстас.

– А, здравствуй! – неохотно ответила она и хотела было пойти дальше своей дорогой, но вспомнила, что он не сдал ей реферат.

Она пожурела его, посоветовала подготовиться к семинару, потом на её лице появилось выражение, будто она что-то припоминала, и взглянула на конверты с пластинками, она спросила.

– А что это у тебя за пластинки?

– Да так, Дебюсси, Равель, Чюрлёнис, – обнажив свою щербину, с улыбкой произнёс он.

– Ты слушаешь классику? – неподдельно удивилась Марго.

– Почему бы нет?

– Никогда бы не подумала!

По правде говоря, она принимала его за форменного профана. К тому же от него неприятно пахло, иногда не могла определить запах. Он сидел на последнем ряду, а в конце лекции простодушно спрашивал: «А кто такой Идзанаги?», когда целый час она надрывала голосовые связки, читая лекцию об космогонических японских мифах, изобилующих эротическими сюжетами. Она слышала, что он из тех студентов, кого принимают в университет по сиротской квоте, поэтому была снисходительна к нему, несмотря на раздражение. Она велела ему подготовиться к следующему семинару.

– А вы любите Брамса? – лукаво спросил он, слегка наклонив голову, подобно её воображаемому сеттеру.

– Да, люблю, – сказала она. – В своём исполнении, на пианино, – добавила она с чуть заметным кокетством.

– Правда? Как хочется послушать, у меня нет пластинки. Я тоже люблю хорошую музыку.

– Купи абонемент в филармонию, – сухо ватно посоветовала она.

– Хорошая идея, – скучно ответил он.

Марго была удивлена. «Ой-ля-ля! В этом олухе есть какая-то загадка», – иронически заключила Марго. Они попрощались. Она побрела дальше. Она не знала Чюрлёниса. Её

самолюбие было задето. Ей даже показалось, будто её воображаемая собачка укусила за запястье. «Что-то руку ломит, отложение солей, наверное». Чувство уязвлённого самолюбия связалось с именем Ореста.

И всегда, когда ей было больно, в сознании Марго невольно всплывало это имя, которое безуспешно пытались произвести её золотые рыбки. И ещё она говаривала:

Ты мой страж, а я твоя арестантка.

Он отвечал:

Мне ль тебя сторожить, моё деревце?

Какая ирония! Теперь она на свободе. Он тоже на воле, как борзый пёс.

* * *

Дни стояли погожие, последние деньки затянувшейся осени.

Марго вышла подышать свежим воздухом. «Как тот подводник», – подумала она и глубоко втянула запах прелой листвы и моря. Сквозь деревья синела широкая голубая кайма залива. Трамвай номер семь проехал в сторону вокзала. Она гуляла в кладбищенском парке, сидела на скамье, наблюдала, как люди выгуливают домашних животных.

Она тоже мечтала завести какую-нибудь собачку, ведь они такие преданные, привязчивые, влюбчивые. «Хм, надо же! «Любите ли вы Брамса?» Смотрите-ка, начитанный!» – ух-

мыльнулась Марго. Этот вопрос показался ей двусмысленным. Она, конечно, и Брамса слушала, и книгу читала, представляя себя на месте героини Франсуазы Саган, но сейчас ей в голову не пришло поставить Ореста на место героя этой повести. И всё же Марго заподозрила его в неприличном заигрывании. «Не мешало бы проверить его на вшивость», – решила она.

Потом они не раз вспоминали об этой встрече в парке, задним числом разгадывая тайный смысл невинного разговора. Как естественно было начало их отношений! На её кафедре стали появляться цветы. Никто не признавался. Пришлось задействовать свою агентуру из числа студентов...

На окраине парка появились большие, в голубом оперенье с атласным отливом большие птицы. Они повисли на тонких ивовых ветвях, громко затараторили, как цыганки на рынке. Марго любовалась птицами, стала пересчитывать. Длинные синие хвосты раскачивались в воздухе. Они любопытно вертели черными головками по сторонам. Возможно, это были те самые синепёрые сороки, – подумала она, – которые часто встречались в китайских стихах о созвездии Ткачихи и Волопаса. Кажется, автор «Transparent Things» сокрушался, что ему никогда не увидеть голубых сорок, – вспомнила Марго, и порадовалась за это эксклюзивное счастье. Вдруг птицы вспорхнули и полетели в другую часть парка, оставив раскачиваться ветви. Марго, наконец-то, приняла решение:

пойти в зоомагазин на улице Посъетской и присмотреть себе аквариумных рыбок.

Время нещадно, оно отнимает любимых, а потом и память о них, к счастью (к счастью ли?) на помощь приходит воображение. Когда-то Марго мечтала стать кинорежиссёром, папа даже купил ей на день рождения любительскую восьмимиллиметровую кинокамеру, работающую на одной квадратной батарее. Когда она злилась на Ореста, у неё во рту кислило, как от клемм, если к ним прикоснуться кончиком языка. Кинокамера называлась «Аврора». Естественно, кинопроектор тоже был куплен в придачу. В закромах её квартиры до сих пор сохранились запасы киноплёнки «Свема». Марго была запасливой. Чтобы снять десятиминутный ролик, нужно было купить десять коробок шестнадцатимиллиметровой плёнки. Её разрезали пополам специальным резак, похожим на две соединённые шашки. Затем отснятые и проявленные плёнки склеивались и накручивались на бобины. Сколько было волнения, когда она приходила забирать из ателье проявленные плёнки! Если в полиэтиленовом пакете лежал бумажный вкладыш, то это означало, что мастер уведомлял клиента о дефектах – желтых пятнах на кадрах. Не зная, сколько дефектных кадров на плёнке в три секунды, она с нетерпением возвращалась домой, зашторивала окна, заправляла в бобины плёнку. Таких бобин по триста метров любительского кино хранится у неё чуть ли не целая коробка среди чемоданов, забитых старой обувью и одеждой.

Она также увлекалась фотографией. Эти занятия восполняли недостаток её воображения. Обиды также сохраняли в памяти ушедшее время, а их было немало. Ревность – вот что является мощным стимулом памяти! Она любила без воображения (не доставало дерзости), переводила без воображения, жила без воображения. Никогда не рисковала, не была безрассудной, поэтому её воспоминания не были тягостными, а свои годы она как бы и не ощущала вовсе.

Орест наполнил её жизнь эросом, чувством чего-то запретного. В любви с ним она ощущала себя соучастницей недозволенного, едва ли не преступницей.

С тех пор как он уехал, она несла обиду так бережно, словно боялась расплескать даже капельку, видимо потому, что эта несчастная капелька оберегала её от пустоты. Сердце хоть чем-то должно быть наполнено. Однако если долго хранить обиды, то они, как вино, перебродив, превращаются в уксус, которым можно ненароком отравить или отравиться...

Она добрела до зоомагазина, почти не замечая окружающей городской жизни. Боязливо переходила дорогу на зелёный свет светофоров, избегая молодых симпатичных прохожих. В своём кожаном плаще, кожаной шляпе и очках в толстой оправе она напоминала черепаху. Было безветренно, и воздух на дороге казался грубым, как рогожа. Она поднялась по ступенькам, открыла неприглядную дверь. В магазине её приветливо встретила белокурая продавщица. Привле-

кательная девушка обещала заказать круглый однолитровый аквариум, о котором мечтала Марго. Наблюдая за рыбками, она наклонилась. Зелёное стекло большого круглого аквариума приняло восхищенное лицо женщины, словно впустив его в себя, внутрь. Если смотреть с противоположной стороны, то покажется, что лицо и есть аквариум, в котором флегматично колышут плавниками золотые рыбки. По щеке ползла улитка, оставляя за собой светлую дорожку. Улитка, вытянув рожки, медленно заползла на веки. Вдруг из улитки стал медленно выползать черный червячок экскрементов и, обломившись, покатился вниз по выгнутому стеклу на дно, затерявшись среди придонных камней.

Марго выпрямилась, восстановив свой прежний облик.

– Приходите через неделю, – сказала продавщица.

– Хорошо, непременно! – согласилась Марго.

На улице сумеречно. Жидкий свет фонарей. Машины мчат с включёнными фарами. Марго пошла к железнодорожному вокзалу на трамвай. На седьмом номере доехала до Фокина, затем сделала пересадку на троллейбус. Она поднялась на свою башню. Дома никто не ждал. И всё-таки ей представлялось, что Орест подогревает чай и смотрит телевизор в ожидании звонка в дверь. Он будет встречать, как всегда, нагишом. Он просто не любит одежды, которая буквально сама спадает с него: то пуговица отлетит, то резинка лопнет, то жарко.

– Оденься! – велит ему она. – Соседи увидят в окно.

Взглянув на неё волоокими, как у телёнка, глазами, он накидывает рубашку, а через пять минут опять ходит нагишом. Она смущается, а он смеётся: чудная щербинка, ползуба нет, обломал в детстве, говорит, что упал с дерева, когда обрывали листья, чтобы приблизить зиму.

Город выматывал Марго; усталая, она стоит на пороге. Переводит дух и, не снимая перчатки, нажимает на звонок. В тот же миг нараспашку отворяется дверь – картина прежняя, желанная. «Какая симпатичная непристойность!» Она заслоняет обнажённого мальчишку своим телом, принимая его в объятия.

Она с улицы, холодная, заснеженная, а он всегда такой горячий!

– Фу, наконец-то, добралась! Как ты без меня? – с поцелуем произносит Марго.

– Скучаю, моя красавишна!

Озябшие руки она отогревает о его горячее тело.

Давай-ка, помогу тебе снять этот кожаный футляр, – говорит Орест.

Марго ставит ногу на табурет и жестом показывает на сапог. Он садится на корточки, расстёгивает молнию, помогает стянуть сапоги – с одной ноги, потом с другой.

– Долой вериги! – произносит она.

Жизнь опять превосходит её ожидания и воображение. Марго переодевается долго, очень долго. Он всё время ме-

шает ей, как её любимая собачка.

– Ах, какой ты лизунчик! Скоро, скоро будем ужинать. Чем это у нас так вкусно пахнет, мой поварёнок?

Затем она идёт в ванную, тщательно смывает с лица крем и грим. Вот такой простой она нравится ему куда больше, в своём доме, среди своих вещей она совершенно другая женщина, естественная, а на работе или на улице не похожа на саму себя: чопорная, надменная, пугливая. Орест не может привыкнуть к таким метаморфозам. Он накрывает стол на кухне.

– Будем ужинать, что Бог послал, – сообщает Орест.

Они выпивают по сто грамм водки – «с устатку». Потом еще по стопочке, а недопитая бутылка исчезает в холодильнике. За ужином Марго начинает жаловаться на своих коллег, на студентов, на маму, на подругу, на город, на погоду и еще на что-то...

Он, как всегда, утешает, утешает, любит, любит, любит...

– Сегодня поздно ночью будут передавать концерт Мадонны в Барселоне, впервые показывают по нашему телевидению, хочу посмотреть, – позёвывая, объявляет он.

– А, это та самая белокурая бестия? И послушаем, и посмотрим, – соглашается она.

– Я пойду купаться, – говорит он.

– Только быстренько! Ты такой взмыленный, вся спина вспотела. И под мышками пахнет, а приятно. Почему ты не выбрываешь их? Какой у тебя терпкий запах! А чем пахнет

потайной кармашек? – приговаривая, Марго берёт его мальчика.

Она со смущением обнаруживает, что он возмужал, набрался силы, крепыш, как новобранец.

– Ах, фигляр какой! На кадета похож!

–

Он всегда посмеивается над ней. Какие милые фриivolности!

Марго предпочитает не отягощать их совместный быт интеллектуальными разговорами, ведь за день так намаешься, говорит она, что к вечеру чувствуешь себя выпотрошенной краснопёркой. К тому же он, невыносимо наивный, может понять её неправильно. Как случилось, что он приручил её?

Она слышит, как скрипнула дверь в ванную, и полилась вода. Убавив громкость телевизора, она взяла в руки «Новый мир». Вдруг потянуло холодом. Это был не сквозняк. Неприятная мысль о расплате за счастье, обыкновенное человеческое счастье, которое никогда не даётся даром, вынесла её из благодушного настроения. Какую же цену она должна заплатить?..

Её охватил страх. Разница в возрасте, как корда, держит их на расстоянии; вернее, эта корда существует для неё. «А ведь он мог бы быть моим сыном, ровесником моего ребёнка, если бы не аборт...» Марго невольно закрыла глаза, и тяжелый стон вырвался наружу. «Дурочка, надо было рожать!» – слышит она голос мамы. Теперь она соглашает-

ся с гипотетической перспективой быть матерью-одиночкой. Поздно. «Он не любит меня, он просто играет в любовь, ему что-то надо от меня. Иначе, зачем ему спать со мной?» Она уверена, что бескорыстной любви не бывает. Отсюда её мнительность.

С этими мыслями она очнулась перед дверью своего дома, стряхнула с пальто снег, потопала ногами. «Как хороши твои ножки, как у Истоминой!» – слышит она игривый тон Оре-ста. Из дверей подъезда выскочил чёрный лабрадор, потом хозяин на поводке. Сквозь зубы поздоровалась. Сейчас она войдёт в свою пустую комнату, включит свет в прихожей, из тёмной комнаты на неё накинется тишина. В другой час она была бы рада, чтобы эта тишина иногда кидалась на неё с громким лаем или хотя бы немного поскулила, слизала её горячую слезу... Вот так запросто он превратил её дом в склеп воспоминаний. Как-то он разбудил её поцелуями в затылок. Она повернулась к нему и, не открывая глаз, промурчала:

- Мур-мур-мур. Мяу-мяу-мяу.
- Милая, мне приснился страшный сон.
- Давай я поцелую твои глазки, и всё пройдёт.
- Мне приснилось, будто я проснулся в каком-то помеще-нии на каменном полу, я сжался в клубок от холода.
- Ах ты, мой зяблик, я согрею тебя!
- Солнечные лучи падали через дверь наверху, к ним вела винтовая железная лестница. Я огляделся: с четырёх сторон

в нишах стояли гробы. Нет, не так. Меня занесло в какой-то город. Он весь такой симметричный, бесконечный проспект до горизонта. То ли город, то ли библиотека. Дома как огромные тома с золотыми латинскими надписями на фронте. Красивые особняки. Были сумерки. По дороге шли три девы, среди них, мне показалось, – нет, теперь я уверен – была ты, хотя твоего лица не видел. Они шли, шли, шли, пока не скрылись в темноте, и вдруг обернулись сиянием трёх звезд в черном небе. Кто-то сказал: «Это три Марии». Ты слышала о таком созвездии?

– Нет, не слышала. А, кажется, это в Южном полушарии – Южный Крест так называют.

– Я решил постучать в дверь одного из особняков. Дверь оказалась открытой. На ощупь я спустился вниз. Я был измотан дальней дорогой, валился с ног, уснул там, где стоял, на каменном полу. И мне снилось, будто я проснулся оттого, что свет падал мне в лицо; открыл глаза и увидел ниши с гробами, большими и маленькими, были совсем маленькие, покрытые белыми узорными салфетками, похожими на твою салфетку, что покрывает комод. На полу – сухие листья. Когда я вышел наружу, то понял, что вчерашние особняки были семейными склепами. На каждом из них была прикреплена табличка с именами и датами, латинские надписи. Там было твоё имя. Я читал, переходя от одного склепа к другому, пока не заблудился среди пустынных улиц. Кто-то напевал песенку про гейшу. Кажется, такие слова: «Arma geisha idu

япон...» Потом появились туристы с фотоаппаратами...

– Ну, тебя ждут странствия, будешь общаться с великими... мертвецами.

– Мне приснилась смерть.

– Ты боишься смерти?

– Нет, просто неприятно об этом думать. Я бы предпочёл не рождаться.

Он прижался к ней всем телом, поцеловал, прошептал:

– Вещунья моя, я сейчас буду тебя любить.

Его рука полезла под её ночную рубашку. Марго закрыла глаза, представляя себя ладьёй, а Ореста – парусом в ветреную погоду. Тримунтаны, грэго, ливанты, пунентии, маистры, гарбии, острии...

* * *

...Просто из разбитого окна в коридоре тянуло сквозняком.

«А вдруг чудо, он дома, ведь ключ от квартиры остался у него!» Марго быстро вбежала по лестнице, нажала на кнопку лифта. Она была в перчатках, иначе бы не прикоснулась к черной кнопке из брезгливости. Орест исчезал без предупреждения и снова появлялся. «Пропаций мой, исхудал, все рёбрышки наружу, хоть пересчитывай, щеки впали! Изголодался, мой пёсик?» Целый месяц она проклинала его, копила обиды, но стоило ему появиться, как она принимала его,

потасканного и заросшего щетиной, прощала. В ванной она долго и тщательно мыла все его срамные места, приговаривая, мол, некому было, видать, ухаживать за ним. Ставила его во весь рост, чтобы хорошо намылить. В нем сочетались и взрослость и невинность.

Никогда в жизни, никогда бы не купала она своего ребёнка, достигшего возраста Ореста. В его любви было что-то запретное. Он был бедовым, его вечно тянуло на приключения. Однажды он вышел из дома на пляж и пропал на две недели. На нём были белые шорты (обрезанные брюки), синие носки, легкие кожаные туфли бежевого цвета и майка. Он дал о себе знать телеграммой из Москвы, в которой просил срочно выслать денег на билет. Она слушала рассказ Ореста о приключениях и поражалась его авантюрному характеру. Он приехал только для того, чтобы посмотреть на город. В телеграмме до востребования она сообщила адрес своих родственников, которые жили в районе метро «Текстильщики». Конечно, его не пустили на порог. Правда, после её звонка к родственникам, дядя Жора, хромоногий и щуплый, словно сношенный штиблет, бывший сотрудник невидимого фронта и выпивоха, страдающий манией преследования, впустил Ореста в едва приоткрытую дверь:

– Значит, ты что, друг Марго? Как Тамара Ефимовна?

Его жена была на даче под Рязанью. Через два часа, после нескольких стопок водки сын сталинского замминистра финансов уже тащил Ореста на кладбище, оплакать могилу

своего отца. Орест вошёл в доверие.

– Как тебе это удалось? – удивлялась Марго. – Он даже своей жене не доверяет приготовить еду, боится, что отравят...

На следующий день, в тот момент, когда Орест принимал холодный душ, дяде Жоре приспичило срочно объяснить, как закрывается ключом дверь. Мокрый, кое-как натянув трусы, Орест поплёлся за ним, оставляя на грязном полу потоки воды. Хозяин показывал, куда втыкать ключ и куда поворачивать, объяснял долго и нудно. Как он надоел! Что тут сложного? «Нет, ты не понимаешь, вот гляди!» Он вышел на лестничную площадку и потащил за собой Ореста. Вот так дверь захлопывается, а вот так открывается. Дверь не открывалась. Ключ был изнутри. Ну вот! Теперь не войти.

Классический случай комедии положений. В ванной хлещет вода, а два идиота – один малый, другой старый – на лестничной площадке. Как открыть дверь? Орест в одних трусах бродит по московскому двору в поисках топора, или лома, или гвоздодёра, чтобы взломать дверь, приставая к прохожим, которые шарахаются от него, как от чумного. Пока он ходил, вода залила всю квартиру, побежала наружу, на лестничную площадку. Орест вернулся с пустыми руками, дядя Жора психовал, ругая незваного гостя матерными словами:

– Е...тить, выбивай! Сильней!

Орест, боясь сломать дверь, выбил её двумя ударами ноги.

Вода хлынула, как из прорвавшей плотины.

– Ну, вот, заодно и полы помыли!

В другой раз Орест вернулся с Камчатки, из посёлка Корф... (Читатель, не ленись, найди на карте!)

Марго вспомнила эту историю с поездкой и улыбнулась.

Вскоре подошёл лифт. Она редко пользовалась им, потому что, во-первых, боялась застрять; во-вторых, днём предпочитала подниматься пешком – для здоровья. Однако и здесь её подстерегали опасности. Вечерами в мусоропроводе рыскали крысы. При мысли о них Марго поморщилась. Это пугало еще больше. Марго старалась не смотреть на неприличные граффити в кабине лифта. Орест хотел пересказать содержание одной поэтической исповеди четырнадцатилетнего подростка, но Марго запротестовала:

– Нет, нет, нет, не рассказывай мне гадостей! Не смей! Тебя так и тянет в какую-нибудь грязь. Фу, фу! – замахала она руками.

– А как же про стихи, что растут из сора?

* * *

Берег на бухте Фёдорова был неухоженным, зато народу поменьше. Чаще всего Марго предпочитала созерцать море из своего окна, любуясь туманами, закатами, волнами, парусниками, – всё это она тщательно зарисовывала акварелью.

ными красками в своём альбоме.

Иногда Марго открывала какую-нибудь книгу, перелистывала её, а оттуда выпадала записка. Она поднимала её с пола: «Любимая, целую дыхание твоё и губы, и глаза! Ждал тебя у порога. Вечно твой, Щень». Эта была воткнута в дверь. После этой записки она дала ему второй ключ, когда он уходил от неё. «Чтобы не томился у меня на пороге».

Марго возвращалась из Свято-Николаевской церкви, по дороге навестила мамочку – с визитом примирения. Погода была тёплая, конец марта. Город натягивал на себя юго-восточные туманы. На четвёртом номере трамвая она доехала до «Авангарда», потом пешком вверх в сопку, где на склоне, в распадке между двух сопок, приютился храм, чудом сохранившийся за годы советской власти. Его золотые купола потускнели. Солнечный луч скользнул по куполу, ослепил Марго. На мгновение в глазах потемнело. Тяжёлые низкие облака снова затянули прогалины. Перед воротами церкви толпился какой-то народ с кинокамерой на рельсах. «Киношники», – догадалась Марго.

Кажется, они уже сворачивали свою работу. Пылел снежок. Вдруг с неба стали слетать крупные снежные хлопья. Они были в размах крыльев приморского махаона. Из арки в черной рясе шёл священник с огромным золотым крестом на груди, держа в одной руке Библию, а в другой икону.словно шлейф, за ним выюжил снег. Священник был молод, боль-

шие тёмные глаза, тонкие брови. Снежинки оседали на его бороде росными капельками, словно черные волнистые волосы были унизаны бисером. Киногруппа переполошилась.

– Быстро, быстро снимаем! – закричал режиссёр.

– Плёнка кончилась! – ответил оператор.

– Вот так всегда! Самые важные мгновения остаются за кадром, – сказал режиссёр с досадой.

Все молча уставились на священника.

Священник медленно удалялся и наконец исчез в воротах. Марго вспомнила брачные, божественные танцы махаонов на лесных дорогах в августе. Ей представилось, будто это выпорхнул черный махаон – хвостомосец алкиной, – разбрызгал фонтанчики спермы по сырой земле и скрылся из виду. Снежные хлопья тоже совершали свой ритуальный танец. Марго подошла к девушке, стоящей поблизости.

– Извините, какой фильм снимаете?

– Уже не снимаем. «Офицерская слободка», – ответила она, повернув голову.

Девушка была в платке, поверх него – черный берет.

– А вы откуда?

– Дальелефильм. Красивое мгновение пропустили...

– Да, красоту не выдумаешь, – сказала Марго.

– Красота не подвластна никакому режиссёру, даже нашему.

– А как зовут его?

Девушку позвали, и она ушла. «У красоты нет режиссё-

ра», – подумала Марго, глядя вслед девушке с необъяснимым волнением. Ей было чуть завидно.

Она вошла в церковь, чтобы поставить свечи кому за упокой, а кому за здоровье. На душе отлегло. Дышать стало легче.

Выходя из лифта, она подумала: иначе сложилась бы её судьба, стань она режиссёром, о чем мечталось в детстве. Да, видимо, судьба именно в том, что другого выбора у неё не было. Разве не было?..

И конечно, дома никто не ждёт её в этот вечер. Марго вошла и сказала:

– Ну, вот и дома.

Снег превратился в капельки росы на рукаве пальто. Сегодня она вдоволь нагулялась, впечатления переполняли её сердце настолько, что вытеснили из него все печали. Из окна трамвая она любовалась заснеженными деревьями, похожими на морские кораллы. Оранжевые кришнаиты, ударяя в бубны, тесной стайкой плыли за предводителем, словно экваториальные рыбки, бог знает каким течением занесённые в северное полушарие. Марго словно бы видела себя на вершине, откуда была отчетливо видна граница её жизненного круга, сужающегося с каждым годом. Как странно, но её мысли никогда не стремились выйти за пределы этого круга, очерченного неведомо кем, неведомо зачем. Когда-то она стремилась к общественной деятельности, которая перевернула бы весь мир. «Разве можно перевернуть мир, он же круглый?» – резонно спрашивал Орест...

Она сняла сапожки, прошла в комнату. Щёлкнула выключателем. На этажерке у дивана стоял аквариум, где плавала в одиночестве золотая рыбка. Увидев Марго, она как бы удивилась. Её округлые бока переливались на свету, будто купола на Свято-Никольской церкви. Марго бросила щепотку корма. Рыбка лениво подплыла к поверхности и, жеманно открывая большой рот, начала пускать пузыри, словно новорождённые вселенные.

– Красавишна моя! Ты совсем не голодна.

Слегка перекусив и выпив чашечку кофе, Марго разложила на столе рукописи, словари и присланные её токийским поклонником фолианты. Быть переводчиком – это значит жить в отраженном свете. Марго считала, что её жизнь является отражением мысли (или безумия?) единственного очевидца – Господа Бога.

Глядя, как прибрежные волны купаются на закатном солнце, отливая пунцовыми спинами, Марго не раз ловила себя на неприятной мысли, что она просто-напросто бледный отсвет, один из мириад солнечных бликов, которые через минуту-другую угаснут.

«Итак, вернёмся к рукописям», – мысленно понукала себя Марго. Для дипломной работы Орест выбрал нашумевший в своё время роман современного японского писателя Хидэо Тагаки «Моя русская жена» – автобиографическое

повествование морского офицера о страстной любви, изобилующее натуралистическими описаниями. События в романе начинаются во Владивостоке в начале двадцатых годов. Марго включала этого автора в список дипломных работ, но несколько семестров подряд никто из студентов не проявлял к нему интереса. Орест был первым. После очередной лекции он подошёл к Марго и сказал, что хотел бы заниматься под её руководством научными изысканиями.

– Да? И чем же? – недоверчиво спросила она.

Он сказал...

Орест держал в руках старый, потрёпанный том, переворачивал жёлтые листы, без вожделения вглядывался в подслеповатые старописьменные («Кто их только выдумал?») иероглифы. Они напоминали ему дохлых мух. Обычно мама влажной тряпкой сметала их наружу, когда весной открывала окна. Он даже невольно махнул тыльной стороной ладони по странице.

– Осторожно, книга раритетная! – взволнованно сказала Марго.

Между страницами, среди иероглифических залежей, он обнаружил какое-то насекомое. Сначала оттуда посыпались лапки. Страницы слиплись, ни за что не хотели раскрываться. На помощь пришла линейка, вышвырнувшая насекомое.

– Mistkafer Samsa, – щегольнул своими познаниями Орест. Марго не поняла его литературной шутки, а переспрашивать она не любила: против её правил.

В обращении к Оресту её интонация потеплела. Марго брала его за руку, прогуливалась с ним по коридорам или говорила ему:

– Дорогой, отнеси мои книги на кафедру, будь добр.

С этого всё и началось...

...Роман не понравился Марго.

– Фу, порнография! – сказала она, поморщив свой носик.

Но не пропадать же трудам. Она выправила его корявый перевод, тщательно избегая откровенных описаний, собственноручно перепечатала текст. Марго готовила его к публикации в одном местном издательстве. Сначала она даже стеснялась поставить своё имя, но после недолгих колебаний подписала договор.

Издатель торопил. Марго перелистала машинописные страницы и отложила рукопись. Вместо творческого труда Марго занялась рыбой, купленной по дороге у торговца, улыбчивого паренька. В каждом парне она видела Ореста. За четыре краснопёрки она отдала семь рублей, выторговав трёшку. Выгодная сделка, дешевле, чем в магазине. Она помыла рыбу под краном, почистила, вспорола её, вынула внутренности, обрезала головы, еще раз промыла под краном. На белой плоской тарелке лежали аккуратные рыбы трупики, выпотрошенные, без хвостов, без голов. Из голов она собиралась сварить уху. Ах, как она любила погрызть рыбы головы! Трехуху завернула в газету для дворовой собачки, жи-

вущей беспризорно в подвале. Когда она перемывала посуду, никто не подошёл сзади, не обнял за талию, сложив руки на её животе, не укусил за мочку уха, не поцеловал в затылок, не сказал: «Золушка моя, скоро поедem на бал примерять хрустальный башмачок!»

Красные резиновые перчатки Марго повесила сушиться над раковиной. В постели она слышала, как с них капала вода, словно отсчитывая умирающие мгновения очередного дня, наполненного множеством невеликих происшествий. Позолоченный маятник на настенных часах мерцал в темноте, будто плаванники золотой рыбки. Марго глубоко зевнула. Она засыпала. Тёплая волна понесла её в безбрежную даль, убаюкивая мерными покачиваниями... Когда-то Марго мечтала, чтобы у неё была просторная кровать, однако в её комнате она заняла бы треть площади. Впрочем, и диван она редко раскладывала, ведь в широкой постели еще сильнее чувствуется одиночество.

– Вдвоём спать веселей, – говаривал Орест, обнимая её.

Комната погрузилась в смутные сновидения Марго. На перроне стояла женщина, на неё шёл поток людей. Потом перрон опустел, мокрый, залитый дождём поезд тронулся и стал медленно исчезать в тёмном тоннеле. Марго признала в этой женщине себя и догадалась, что это были проводы её собственной жизни. Вслед за тем беззвучно подошёл другой поезд, открылись двери, но никто не вышел...

Марго возвращалась с работы. Она признавалась (когда речь заходила о зарплате) не без иронии, что ходит на службу в университет как на паперть. Её корпус находился в старинном, выкрашенном в серую краску здании, где раньше, до советской власти, размещались номера борделя. Их «преемником» стал самый идеологический факультет в городе, активно контролируемый и патронируемый спецслужбами. Иногда её лекции посещал некто в штатском.

– У тебя будет сегодня гость, – по-свойски предупреждала декан, милая женщина, любимица всех студентов, многозначительно заглядывая в глаза Марго, и восклицала:

– Ах, у тебя новая причёска!

Пока Марго монотонно читала лекцию, её мысли перескакивали к образам сновидений прошедшей ночи. Она пыталась восстановить то, что присутствовало в её смутных ощущениях. Таким же зыбким выглядел после лекции город в расползающихся вязких туманах. Город словно поднялся на дрожжах. Хозяйка проспала, и квашня тумана полезла наружу, растекаясь по асфальту, нависая шапками на домах, стекая с голых, едва начинающих покрываться зеленой ветвей деревьев; проезжали призрачные автомобили, различимые только по шелесту шин. Из школьного двора выскочил мяч и, подскакивая, покатился вниз, пока не исчез в тумане.

Было без одной минуты двенадцать пополудни, когда Марго совершила восхождение на гору, в своё гнездо, откуда открывался залив в сиреневой дымке. Сквозь неё просвечивал трехмачтовый фрегат «Паллада». Марго решила по дороге зайти в магазин купить яблок. В мыслях её присутствовал тайно кто-то *третий*. Он будто ступал за ней в войлочной обуви. Она называла этого попутчика – «мой посторонний». От него ничего нельзя было утаить; он выкрадывал её сны и опустошал и без того обделённое сердце; пустота обнимала её, и даже город представлял собой что-то невесомое, беспочвенное. Её ноги утопали, вязли в этом войлочном облаке, становились ватными. Мир расползался...

Марго остановилась передохнуть. Из подворотни вслед за мячиком выпорхнула стайка миловидных корейских мальчиков в спортивной одежде, их было человек пять-шесть. Вскоре они исчезли в неподвижном тумане. Она чувствовала, как её волю сковывает паралич. В каком времени она живёт? Где пребывает её сознание?..

Навстречу ей вышла старуха, местная безумная со свирепым, морщинистым как мочёное яблоко лицом. Марго побивалась сумасшедшей, которая всегда кричала вслед какое-нибудь проклятие. На этот раз она прошла беззвучно, только зыркнула на Марго белками.

– Семёрка продолжается, – услышала Марго вслед.

Она вздрогнула. Казалось, вот сейчас туман рассеется и вместе с ним исчезнет всё, что отбрасывает тень, город под-

нимется в небо, как дирижабль, только волны будут плескаться в опустевший берег. «Вот так бы... – промелькнула безысходная мысль. – Если думаешь о смерти, значит, ты ещё жива». Как ни странно, объёмная пустота занимала в её жизни больше места, чем хождения на службу, чтение лекций, заседания кафедры, экзамены, кафедральные интриги, визиты к маме, научные изыскания и даже Орест, убывающий из её воспоминаний. «Как там мама?» – подумала Марго. На вечеринке по поводу театральной премьеры, в которой Тамара Ефимовна играла эпизодическую роль, собрались её товарки, а также один поклонник, о котором Марго была наслышана. Многих она видела впервые, не все имена запомнила. Она не задержалась надолго: поздравила, посидела для приличия за столом и покинула гостей. Когда спускалась по лестнице, заметила, как подросток что-то писал на обшарпанной, с обвалившейся штукатуркой стене. Он бросил карандаш и побежал вниз, хлопнул дверью. Марго не любила шумных компаний, терялась среди людей. За столом суетился молодой мужчина, коротко стриженный, рослый, немного полноватый. «Валентин, бокалы опустели», – обращался к нему скромно сидящий на краю стола Владик, дальний родственник Марго. Владик приехал из Благовещенска, учился в медицинском училище, занимал комнату Марго. «Ну, конечно, пусть живёт».

С тех пор она еще не звонила маме, не справлялась, как прошли торжества, остались ли довольными гости. Сумбур-

ные мысли не давали покоя Марго. «Фу ты, прости Господи, отрезала рыбы головы!» – вспомнила она свой сон.

Марго прошла ещё несколько метров в тумане. Вдруг по её телу пробежал озноб, словно рой крылатых муравьёв. «Нет, рыбы головы я отрезала наяву, вечером, а ночью приснилась окровавленная голова Юкио Мисима!»

У Марго сердце пошло ходуном. Она отчётливо услышала, как во сне голова японского писателя на белом фарфоровом блюде в кровавой луже требовала от неё какое-то эссе о своём творчестве для альманаха «Восточный вестник»:

– Пиши! Пиши! – прошипела голова.

– Да как же! Я ведь уже написала, – оправдывалась Марго. – Я не плодовитая, больше не могу... – хныкала она.

– Не хнычь, внученька, – услышала она голос покойной бабушки.

Марго увидела себя за столом в старом доме. Бабушка отрезала ломоть круглого хлеба, затем налила в стакан молоко...

«Голова, превратившаяся в круглый ржаной хлеб», – отметила Марго. В этот момент пушка на Тигровой сопке отдала салют в честь полудня; стрелки часов на привокзальном почтамте конвульсивно дёрнулись, показывая на четыре минуты больше; голуби сорвались с крыш, пригородный поезд отошёл с четвёртого перрона. С испугу Марго чертыхнулась. «Всё символы да метафоры...» Ей увиделось: она сидит в пустой электричке, а напротив неё – паренёк, похожий на

Ореста. Он прислонился к окну, за которым усыпанная звёздами глубокая ночь; трёхдневный месяц, преследующий поезд, наворачивается слезой на глаза. Электричка проносится мимо полустанка, освещённого фонарями, в ночь, в пространство, к огням других, неведомых селений...

* * *

На стареньком столе лежало надкушенное зелёное яблоко. Оно отбрасывало влажную тень, будто акварельные краски ещё не успели высохнуть. Капелька воды, подгоняемая утренним лучом, медленно сползала по яблоку в солнечном ореоле. Ржавый налёт окисления начинал покрывать белый с сочной желтизной надкус ровных зубов. Марго протянула руку за яблоком, вырвала его из потока света, громко надкусила. Этот звук хрустящего яблока словно бы надломил тишину комнаты пополам: в одной половине была Марго со своими мыслями, а в другой её время. И хотя известно, что время есть мысль, а мысль есть время, что они тождественны друг другу и не могут существовать по отдельности, как рыба без воды, Марго и её время никак не могли соединиться, её сознание оставалось как бы надломанным надвое. Эти половинки не уравнивали друг друга.

Марго выдвинула ящик стола, где среди всякого канцелярского хлама хранилась японская коробочка из дерева с рисунком в виде красных кленовых листьев – подарок то-

кийского поклонника. В ней хранились фотографии, записки, рисунки Ореста, стихи, даже театральный билет, три тёмно-бордовых ароматных лепестка шиповника, сорванные на острове Рейнеке; крылышко махаона с изумрудной, вечно не просыхающей слезой. Кроме того, была ресничка с его загаданным желанием в крохотном японском конвертике; старые открытки с довоенными видами Харбина. На одной из них две белокурые русские девушки идут вдоль берега рука об руку, оживлённо беседуют. Одна девушка – в белых бриджах, другая – в белой, зауженной книзу юбке, облегающей бёдра. Приталенные блузки с пояском, сумочки в руках, белые носки. Девушка справа придерживает шляпку. Её попутчица без головного убора. Позади них притулились друг к другу джонки. В стороне стоит старик с клюкой. На открытке надпись на английском и китайском языках. Вдали виден домик с надписью по-русски: «Буфет». Чаще всего Марго почему-то рассматривает именно эту фотографию.

Все билеты были счастливыми – не потому, что сходились номера, а потому, что тогда она ощущала, как время уносило её куда-то, словно крохотное судёнышко с одним-единственным парусом.

Как-то Орест предложил ей милую затею – кататься по городу на трамваях.

– Что за чудачество? – удивилась она.

Однако же... Сначала они освоили маршрут седьмого номера до Третьей рабочей, потом четвёртого – до бухты Ти-

хой, пятого номера – до Баляева, в парк. Постепенно география их любви расширялась. Были билеты на паром до острова Попова и на катер до острова Рейнеке; на пригородную электричку до Спутника, Садгорода, Весенней, Санаторной; на «комету» до Славянки; также были автобусные билеты на Эгершельд; был билет в театр и в кино, и даже в дельфинарий. Марго уничтожила все эти улики прошлого.

Поводом для похода на маяки Басаргина и Эгершельда послужил прочитанный ими вслух роман Вирджинии Вулф «At the Lighthouse»¹. Орест предложил вульгарное толкование романа, исходя из одного названия. Марго запротестовала. Она изрекла где-то вычитанную мысль: «В английском слове lighthouse фаллические коннотации зримого облика маячной башни оттеснены на задний план тематическими полями корней «свет» и «дом», поэтому нельзя сказать, что название романа выражает фаллическую символику, и вообще это не её тема, не её дискурс». Вот этим кафедральным тоном она и выдала длинную цитату.

Марго начинала говорить с ним таким стилем в том случае, если хотела подчеркнуть его невежество, когда язык не поворачивался сказать: «Ну и дурак же ты!» Слова «и вообще», выделенные интонацией, могли означать многое, в том числе и негативный смысл или намёк, чтобы он помолчал со своими комментариями. Орест, понимая, что его очередной раз уличили в глупости, пытался нейтрализовать её научно-

¹ На маяк.

образные высказывания.

– Это звучит, как поэзия! Очень эротично, – говорил он угрюмо.

Марго любила Вирджинию Вулф и её женские персонажи, с которыми ассоциировала себя, странной любовью. Вот бы что-нибудь такое же написать, простенькое и со вкусом, модновенькое. Она примеривала различные стилистические наряды к своему будущему письму, но всё выходило жеманно.

– Маньеризм какой-то! – приговаривала она, черкая и комкая дешёвую бумагу, купленную специально для черновиков.

В конце концов она остановилась на стиле дзуйхицу в духе Василия Розанова, припрятав свои опавшие листья в тёмный короб, в уединённое место. Она говорила не без юмора:

– Где присяду, там и пишу...

– Боже мой, какое чудо! Дельфин улыбается, словно мальчик. Смотри, смотри! Он похож на тебя!

Белуха нырнула, оставив разбегающиеся круги, и секунду спустя вновь вынырнула, держа в мелких и редких зубах камень со дна моря.

– Это он тебе принёс, тебе, бери! – воскликнул Орест.

Марго с боязнью протянула руку к мокрому, гладкому носу белухи. Нежное, разумное животное опустило камень прямо её в ладонь, что-то пропев. «Поёт так, словно в его

горле заночевал богомол», – подумал Орест.

– Так цикады стрекочут, – сказала Марго.

Этот камень, шероховатый, покрытый белыми наростами моллюсков, Марго положила в шкатулку. Вечером она шептала Оресту:

– Мой белушоночек, ныряй, ныряй, глубже. Я, как вода, разбегаюсь кругами, кругами.

И вправду, всплеск волн разносился по всей комнате. Поднялось такое цунами!

Марго приложила камень к вспыхнувшей щеке. Это прикосновение напомнило ей щетину Ореста, когда он вернулся к ней через три недели, потрёпанный и худой.

– Сосуды отроков чисты? – подозрительно спросила Марго, заглядывая в его повинные глаза.

– Женщин при нас не было ни вчера, ни третьего дня, со времени, как я вышел, и сосуды отроков чисты, – прошептал он ей на ушко.

– Ну, тогда у меня есть хлеб для тебя священный.

Марго считала, что она была для него священным хлебом.

Он так и называл её: «Маргарита, тёплый мой хлебушек».

И задрав ночную рубашку, он целовал её пупок, словно солодил язык в солонке, а потом вылизывал, как пёс Варнавы, в более соленых местах, а ей казалось, что её осыпают холодные осенние росы в долине Мияги. Благодаря этим манерным метафорам её память сохранила кое-какие крохотные мгновения радости.

На оборотной стороне билетов были проставлены даты. Вещи говорят на своём *distingue`* языке, даже самые незначительные. Они – улики торжества любви и ничтожества ревности. Любовь без ревности – всё равно, что дерево без ветра или море без шторма. Её ревность была скрытой, невыразимой, долго вызревала, набиралась соков, тяжелела, словно яблоко. Она никогда не позволяла себе выказать ревность. Нет, никогда. Яблоко ревности само упало наземь с глухим звуком. Марго, не выдержав, расплакалась навзрыд...

– А если у нас родится девочка? – провокационно сказала она. Наконец-то Марго вербализовала (прости, читатель, эту варварскую латынь в языке героини) свой страх, будто она боялась родить не ребёнка, а какую-нибудь зверушку.

– Ты хочешь меня испугать или сама испугаться? – переспросил Орест, отстранив лицо от неё на секунду, и пристально посмотрел в ясные глаза женщины.

– Господи, что мне делать с твоими длинными ресницами? Они осыпаются, как черешневый сад. Вот, загадай еще одно желание! Я сохраню эти реснички в специальном конвертике, – сказала она.

Марго захлопнула шкатулку, задвинула ящик стола, громко надкусила яблоко, решительно, словно отсекая прошлое.

Так угодно, так угодно, пусть будет так, никогда, польститься на иностранную стерву, какой негодяй, а мама

еще масла подливала в огонь, да ты просто сгораешь от ревности, я тебя предупреждала, проходимец, что там карты говорят, ну точно, въётся вокруг червового короля пиковая дама, дорога, ах, длинная дорога, казённый дом, бумаги, бумаги, деньги, ну точно, всё так и выходит, надо же, подобрал её на улице, и всего-то, помог сбросить письмо в почтовый ящик, а какая в ответ благодарность, нет, так легко бросить меня, а как же всё, что было, в мусорную корзину? Что, вся моя жизнь в мусорной корзине, просто взять, скомкать, мама злорадствует потихоньку, только и знает, что вставлять шпильки, даже не понимая того, что говорит, никакого сочувствия, она знает, для кого наводит макияз, для своего Валентина, а мне что остаётся, с глаз долой, из сердца вон...

Кому было угодно вырвать из Маргошиных рук нить судьбы? Кто знает, может быть, наоборот, судьба надёжно оберегала её от худшего и крепко держала в своих руках. Она еще пыталась найти оборванные концы, чтобы связать их отношения, но куда там, куда там, он наострил лыжи куда подальше, сказал, что будет писать и звонить. Марго нутром почуяла неладное, что это не простая любезность, что эта дама уводит Ореста от неё. Ведь она готовила себя к такому повороту, нашла же она в себе мужество сказать Оресту:

– Если ты решишь уйти от меня, то скажи мне об этом, хорошо?

Удивительно, но именно в этот момент Оресту тоже при-

шла мысль о расставании, ведь не легко расстаться, если нет видимого повода. Их мысли совпали. Как удалиться так, чтобы это не причинило боли ни ему, ни ей? Собственно, с самой первой встречи они стали угадывать мысли друг друга, думали синхронно одно и то же. Слова были нужны для того, чтобы выразить удивление. Именно умение общаться без слов связывало их сильнее, чем слова признания, а бурные размолвки не играли никакой роли, даже если Орест хлопал дверью и уходил. Их язык в основном был интуитивным, а не вербальным. Марго остро ощущала конфликт между интуицией и языком. О том, что им когда-нибудь придётся расстаться, Орест тоже задумывался, возможно, не без влияния Марго. *Это было, когда же это было, где было это, да, было это, было в тот день*, пыталась вспомнить она, *ах, да, мы отправлялись на Рейнеке*, где у них был в деревне дом, их дача, купленная почти задаром, именно тогда мысль о расставании впервые стала словом. Орест решил превратить эту поездку в праздник эроса.

Для него это был прощальный карнавал. Марго робела перед его эротической экспансией. Её коробил уличный язык Ореста. Если он бывал в досаде на кого-нибудь из её коллег, которых она тоже не жаловала, его брань была настолько увесистой, что Марго смущалась, хоть и разделяла его негодование. Однако он и всуе произносил эти непутёвые словечки. Марго одёргивала его, как ребёнка. Если похабник не унижался, то она впадала в истерику, убегала на кухню в слезах

и, громко хлопая дверцами шкафа, доставала сигареты, демонстративно курила, чтобы он видел, до чего довёл бедную женщину этими вульгаризмами. «Ведь он такой и есть, как я не разглядела, пришёл в мой дом со странными намерениями», — думала Марго.

Он уходил на пляж, где-то шлялся. Его возвращение оправдывалось разумным объяснением. Он говорил, что хотел посмотреть, как сосуществуют на примере их речи разностильные лексические пласты языка.

— Ну и дурачок же ты! — примирительно говорила Марго, принимая его поцелуй в щеку.

Стилистический конфликт был исчерпан.

* * *

Марго нравилось находить в постели спящего мальчика, когда она приходила от подруги поздно вечером. Она ныряла к нему под одеяло и прижималась чреслами. В один из таких зимних вечеров она объявила о поездке на остров.

— Ух ты, у тебя есть дом на острове? Едем немедленно! — завопил Орест, охваченный щенячьим энтузиазмом.

Его глаза, как у подростка, горели сумасшедшими искорками. Он приподнялся на локте, одеяло сползло с плеча.

— Вот придёт весна, зацветут подснежники, потом вишни, отцветут сливы, и вновь зацветёт черёмуха, мы поедем ухаживать за садом, — вразумительно объясняла Марго, пощи-

пывая на его груди реденькие волоски.

Орест мурлыкал от удовольствия, урчал и, прикрыв глаза, уже представлял, как под их окнами будет шуметь море. Его сердце отсчитывало удары под рукой Марго, теребившей большим пальцем тёмный сосок, покрывшийся пупырышками.

Волна поднатужилась и прыгнула к их ногам.

– Ай, кусается! – вскрикнула Марго и отскочила в сторону. – Ай! – вновь испуганно вскрикнула она, наступив на что-то скользкое.

Орест наклонился, нащупал напугавший её предмет. Это был трепанг, выброшенный на берег волной. Орест взял его в ладонь. Холодный, мягкий на ощупь, покрытый бородавками, похожий на огурец моллюск скользнул внутрь его плавок:

– Ну, трусишка, вынь его!

Марго брезгует. От него пахнет рыбой.

– Конечно, пахнет, а как же! А ты пахнешь мидией, мой трепанг сейчас лопнет от зависти.

Он с трудом разжимает створки раковины, язычок мидии сокращается.

– У-у-у, какой сильный мускул!

Мидия ослабла, он глубоко вдыхает.

– Гляди, сейчас нос прищемит! – смеётся она и обхватывает руками его голову, волосы длинные, мокрые, жесткие, как ламинария.

И вот створки раковины раскрылись окончательно.

В минуту наивысшей радости её охватывает тревога, её счастье скоротечно, слёзы текут, и пальцы её впиваются ногтями в его тело, она готова разорвать его на части, растерзать. Они плывут в тёмной воде, волны успокоились, от каждого движения море искрится планктоном. Марго пытается ухватиться ногами за узкие бёдра Ореста, ложится на спину, он поддерживает её. Их окружают яркие звёзды в темном небе. Они разлетаются в брызгах из её рук, вокруг её тела...

– Мы как созвездия, – говорит он шёпотом.

Его голос окутала темнота. Через пролив, до самого острова Садо протянулась млечная река. Марго несказанно счастлива, без единой мысли в голове, крохотная искорка, живая, между двумя половинками небытия, которые принимают её и удерживают в свободном парении. Все её интеллектуальные ценности, вроде гегелевской эстетики, тщеславных планов и дзэн-буддизма рассыпаются в прах, в пепел александрийской библиотеки. Умереть бы сейчас, не узнав никогда о том, что умер...

– Если сможешь, роди, – говорит Орест.

Он сказал таким тоном, что она не поняла, действительно он хочет, чтобы она родила ему, или он бравирует. «Как грубо!» – думает она, но не подаёт виду. Ей больно. Нестерпимо больно. «Если сможешь, если сможешь...» – отзываются эхом его слова в сердце Марго.

– Ты посмотри, рубашка сбилась на шее в шарфик! – смеясь, произносит она и расправляет рубашку.

– А ты в следующий раз повязывай шею моим шарфиком заранее, – предложил всегдашний пересмешник Орест.

Они громко смеются. До слёз...

Два тёмно-бордовых лепестка завядшей розы, прошеле-
стев, отвлекли Марго от её воспоминаний. «Роза содрогну-
лась и с лёгким треском, похожим на догорающий хворост в
костре, обронила лепестки на пол», – мысленно записывала
Марго в коллекцию своих маргиналий.

...Орест имел в виду тот самый красный шерстяной шар-
фик с бахромой на концах и черными полосками, который
она подарила ему на день рождения. Этот шарфик запечат-
лён на его многочисленных фотографиях: он идёт по бере-
гу моря, нагишом, в одном шарфике; на киноплёнке тоже
имеется несколько кадров. «Если вы увидите, что этот шар-
фик греет чью-то шею, то знайте, из чьих рук он пошёл по
рукам», – продолжала сочинять Марго, романизируя свою
жизнь. Потом она вздохнула: «Как хороша была моя камор-
ка!»

* * *

Тем временем, пока Орест бродит по городу, Марго, вы-
кроив свободный час, листает словари или сочиняет ка-
кой-нибудь конгениальный текст – труд всей её жизни. Она

сочиняет его уже в течение пяти лет. Орест тоже приложил к нему руки: перекладывает листы из одной папки в другую. Раздался звонок в дверь. Так протяжно и нетерпеливо звонят чужие. Она неохотно отрывается от бумаг, покрывает стол платком.

– Кто бы это мог быть?

На пороге её *милый друг* – запыхался, потный.

– Дорогая, все путаны вышли в город, а ты сидишь над своими книжками. В город прибыл аргентинский корабль или французский миноносец с визитом дружбы, проведать наш форпост. Красавцы в белых штанах и чёрных ботинках, при берегах, ходят парами или гурьбой по городу, выбирай-не-хочу! – выпалил на одном дыхании Орест, весь взмыленный от жары и ходьбы. Он стоит на пороге, прислонившись плечом к стене.

– Ах, значит, ты решил выдать меня замуж? – безразличным тоном спрашивает Марго.

– Ну, ты же мечтала жить в предместье Парижа, в Сен-Дени, возвращаться домой на штрейкбрехерской электричке!

– Что ты такое говоришь несусветное?

– Сусветное или несусветное, одевайся! – велит Орест.

– Ну, ладно-ладно!

Марго потускнела, улыбка скисла. Она устала от его затей.

«Ну, что ты такая квашеная капуста, хрум-хрум? Давай, снаряжайся! Скидывай халатик, надевай самое красивое платье, покажи всем, какие у тебя красивенькие ножки.

– Из Аргентины, говоришь?

– Ага, круизный лайнер, «Малькольм» называется.

– Правда, что ли? Стало быть, наконец-то он прибыл со всеми своими хулиокортасаровскими персонажами прямым рейсом.

– Ну да! Кругосветное путешествие победителей в лоте-рею с заходом в порты Йокогама и Владивосток.

– В таком случае я собираюсь. Нельзя пропустить тако-го квазилитературного события. Вот достану только свои на-ряды, – сказала она и, спешно переменив настроение, стала принаряжаться. Всё-таки мужчина выводит её в люди, нель-зя отказать. Однако её что-то смущает.

– Я только приму душ, а потом пойдём гулять, – объявля-ет он, скидывает одежду, дефилирует перед ней и закрывает дверь в ванну.

– Ах, Аргентина! Страна серебра, страна рыбьей чешуи!

Марго вновь открыла шкатулку. Насупив брови, она пе-ребирала улики прошлого, пока не обнаружила в ней счёт из кафе «Льдинка». Эту шкатулку можно «читать», словно книгу Просперо.

Влюблённые выпорхнули из своего гнезда солнечным и ветреным днём около пяти часов вечера 18 августа 1991 го-да. На нём тонкие бежевые брюки и рубашка с короткими рукавами; на ней клетчатая юбка, которую сшила своими ру-ками, и белая блузка с отложным воротником. В воскресенье

в городе не так многолюдно, только к вечеру на остановках толпится народ, зато пляжи переполнены как детьми, так и взрослыми, даже вечером. Марго боится, что кто-то из знакомых увидит их вместе, держится скованно, и всё же берёт его под руку. Она бы предпочла, чтобы в этот их совместный выход вымер весь город, и невольно старается быть незаметной. Марго не поспевает за ним. Он один шаг, она три. Цок, цок, цок!

Кивая глазами на иностранного моряка, она пытается шутить:

– Слушай, а этот мореход ничего, симпатичный.

Орест оборачивается, потом сверху вниз с укором смотрит на Марго.

– Да, панамка хорошая. Военная форма к лицу любому мужчине.

Они заходят в кафе, заказывают кофе.

– Ах, дальние страны! – романтично загрустила Марго. – Выиграть бы нам в какую-нибудь лотерею и отправиться в странствия по ту сторону ветра...

Она как в воду глядела. Судьба говорила с ней случайными оговорками. Не она заметила эту обмолвку, а Орест, смыслённый и глазастый. Он черпает информацию не в знании, а в наблюдательности. Свой выигрышный номер Марго уже разыграла три с лишним года назад, когда выгнала Ореста со своей лекции, чем и разозлила его. Её лотерейным би-

летом был этот нагловатый парень. Не бог весть какой выигрыш, и всё же...

Не будучи ни азартной, ни смелой, она ожидала, что однажды на выходе из трамвая ей встретится некая белокурая бестия, которая сотворит из её жизни восхитительный шабаш. «О нет, никогда!»

Орест терялся в догадках, какова природа её ревности: к его женщинам, о которых умалчивал, чем еще больше вызывал подозрения, или к тому, как он, флайер, свои проигрыши оборачивает в выигрыши?..

Они заказали бы по сто грамм водки. Потом еще по сто, но – увы! Пришлось ограничиться двумя порциями мороженого, одним яблоком. Кофе и торт. Ещё раз повторили. Сладкоежка Орест заказал для себя два разных пирожных. «Просто разорение!» – калькулировала в уме Марго...

Марго близоруко посмотрела на чек. Набор бледно-синих цифр был едва различимым. Конечно, никакой «Малькольм» не заходил в бухту Золотой Рог, но ей понравился этот литературный розыгрыш. Ничего, красивый розыгрыш! Во всех прохожих они признавали липидов и других персонажей аргентинского сказочника.

Это был обыкновенный день, как все дни, люди загора-ли на пляже, купались, ходили по городу, однако для неё он был на редкость романтичным, даже сентиментальным. Одной своей выдумкой обычный день он превратил в красивое

воспоминание, вот и чек тому очевидное свидетельство.

* * *

На следующий день, рано утром, они поехали на остров Рейнеке, прихватив с собой кинокамеру, продукты, кое-какие вещи. Она складывала вещи, а он вынимал их обратно. Он мог путешествовать с одной зубной щёткой в кармане.

На катере она краем уха слышала разговор двух женщин. Одна жаловалась на сына, что он влюбился в какую-то бабу, которая годится ему в матери, а он говорит, что Анна богом дана, ничего слышать не хочет, собрался жениться. Марго спроецировала этот разговор на свои отношения с Орестом, посмотрела на него с лукавством и гордостью. Ветер раздувал его длинные волосы. Пухлые губы высохли, над верхней губой, слегка приподнятой и обнажающей крупные зубы, пробивались реденькие трехдневные усы. Она протянула руку к подбородку. Он растянул губы в улыбке, и в этот момент его поймал объектив фотоаппарата. Марго рассматривала его лицо на чёрно-белой фотографии, которое стало чужим и далёким.

Когда они сидели в кафе, Орест предложил ей игру в воображение: нужно было представить, будто они сидят в кафе на Авенида-де-Мажо в городе Добрых Ветров и рассматривают будущих экскурсантов, давая им всяческие характеристики. И вот они в пути на катере, где коротают время за

этой же игрой, проходят через пролив между островом Русский и мысом Эгершельда.

«Время – это гильотина, – думала Марго, перебирая вещи в шкатулке. – Никому не избежать его острого холодного лезвия; наши головы, отяжелевшие от размышлений и воспоминаний, скатятся в корзину безумного изобретателя под его смешок...»

Она вспомнила насмешливый рассказ Ореста о подростке. В её памяти ожила его мимика, жесты, голос, интонация: «Вон, глянь на этого подростка с куском хлеба...»

Мальчик в шортах, с первыми признаками мужественности на верхней губе и двумя вихрами на голове, прислонившись к борту, подкидывая хлеб в воздух. Прожорливые чайки, теряя благородство, выхватывали корм из клювов друг у друга. Увлечённый вчерашней игрой, Орест прозвал его Фелипом. Однажды, кажется, в прошлом году, он видел его на городском пляже, когда тот купался, ныряя с пирса. Среди подростков, резвившихся на пирсе и в воде, он был самым шумным и выделялся развитостью. На нём были светло-зеленые трусики треугольником, из-под которых торчала во все стороны густая поросль темных волос, выющихся до пупка и по ногам. Содержимое трусиков нагло выпирало наружу, просвечивая сквозь мокрую ткань. «Будто запихал в них черного котёнка». Орест кинул ему канат и помог выбраться из воды. Паренёк, упираясь ногами в бетонный пирс, перебирал канат руками. Его товарищи резвились, бравируя

умением круто выругаться, сталкивали друг друга в море. Они даже не дразнили его, а хвастались наперебой: «У него самый большой хер в классе!» От этого хвастовства подросток смущался, и смущение его передавалось Оресту.

Он узнал этого ушастого паренька, однако тот, кажется, не припоминал Ореста, хотя несколько раз оборачивался в его сторону. Встречный ветер прилепил его футболку к телу, выделяя развитые плечи и грудь. Орест, делившийся с Марго своими замечаниями об этом подростке, предположил, что он, вероятно, занимается греблей. Марго кивнула.

Морские волны переливались чешуйками солнечных бликов. Ветер дул им в загривки, словно игривым щенятам. Марго завела кинокамеру и начала снимать удаляющийся город, пенную борозду за катером, над которой кружились чайки. В кадр попало лицо Ореста, он смотрел не в камеру, а как бы сквозь неё. За его спиной, словно тень его мыслей, прислонился к борту, согнув ногу в колене, этот паренёк, оборачивающийся на голос:

– Феликс, послушай, кончай хлеб травить!

Орест с удивлением обернулся. Он почти угадал имя этого парня, правда, ему послышалось «Феникс, ослиные уши». Кто-то вновь повторил:

– Проходим Ослиные Уши!

Это были две большие скалы, торчащие из воды, как уши, потому так и названные. Феликс отошёл от борта катера и, покачиваясь, двинулся к группе ребят в военных кепках, си-

дящих на рюкзаках. Они курили, смеялись. Один паренёк размахивал уздечкой.

– Будешь яблоко? – спросила Марго.

– Буду!

Они грызли одно на двоих яблоко, уставившись на море. По левому борту проходили острова, окутанные туманом.

– Ты знаешь, на одном из этих островов в восьмом веке стояла одна из пяти столиц бохайского царства, три столетия просуществовало царство, от высокой культуры ничего не осталось. Был такой Тайтэй, поэт, ученый... кое-какие стихи должны были бы сохраниться в Японии, ведь он участвовал в поэтических турнирах, – рассказывала Марго.

– Хоть имя сохранилось... – сказал Орест, слушая вполуха.

– Если ты решишь уйти от меня, скажи, хорошо? – вдруг сказала Марго.

– Разумеется, – ответил Орест, надкусив яблоко. Он даже не обратил внимания на неожиданную смену темы разговора.

Марго заранее готовила себя к неизбежному расставанию, сознательно выстраивала дистанцию. Пока на него никто не покушался, она тяготилась его присутствием; но стоило появиться сопернице, как в ней вспыхивала ревность.

Дни, проведённые на острове, были наполнены счастьем. Это пугало. Нельзя быть такой счастливой! Лучше иметь крохи радости. Марго не хотела подбирать их с чужого сто-

ла, всем сердцем она стремилась к полноте, избыточности, когда каждая деталь или пустяк наполняются невыразимым предчувствием, – вот почему, наверное, она сохраняла в своей шкатулке все эти бессмысленные вещицы.

– Смотри, рыба купается, выныривает из волн! – завопил Орест, как ребёнок, и вытянул руку.

– Какая красивая рука, узкая, длинные пальцы!

Это мальчишество, эта непосредственность, этот жест отчётливо нарисовались в её памяти. Она хотела *присвоить* один только его жест, упрятать его в свою заветную шкатулку и вынимать время от времени. Кинокамера помогала ей коллекционировать немало таких жестов. Как называется это – безумие, любовь, счастье?

– Селёдка или пиленгас, – предположил небритый пассажир с папиросой в жёлтых зубах, видимо, островитянин.

Марго загрустила на катере. В том то и дело, что она не могла родить. Она ожидала услышать, что он никогда не оставит её, но вместо предполагаемого ответа... Она была готова разрыдаться. Его фраза «если сможешь» была убийственной. «Нет, он просто неотёсанный, я сама виновата, не надо провоцировать, знай впредь».

* * *

Из глаз выкатились две тяжёлые слезы. «Их тоже, навер-

ное, выдумал мой сочинитель», – подумала Марго, представляя себя героиней романа. Она чувствовала, как они прокладывают путь по её щекам, сбегая в уголки не накрашенных с утра припухлых губ. Она облизнулась, шмыгнула носом. Одна слеза шлёпнулась на чек, цифры расплылись; а другая упала со звоном на крышку шкатулки. «Слеза рассыпалась на крохотные осколки, ибо она сбегала так медленно, что успела остыть и превратиться в тёмный лёд», – описывала Марго свою печаль в воображаемом романе. Крышка шкатулки отбрасывала солнечные блики.

Солнце уходило из восточного окна. Во дворе у магазина стояла жёлтая цистерна с надписью «Молоко». Водитель в кирзовых сапогах доил «корову» через шланг в алюминиевые бидоны. В тюрьме били склянки, у заключённых был обед. Её воротило от этой прозы за окном.

Марго ощущала себя в тюрьме одиночества. Время заставлялось в её комнате, как вода в лагуне после отлива. «Мои мысли, словно рыбы, выброшенные волной на берег, задыхаются...» – думала Марго. На столе лежал яблочный огрызок с хвостиком и две косточки. Она смахнула их в ладонь и поднялась. В ванной висело махровое полотенце, которым вытирался Орест; на полке стоял его бритвенный прибор. Она выбривала этим прибором его подмышки, приговаривая:

– От тебя несёт, как от псины! Господи, твой запах... Я вся увязаю в нём, я воняю тобой. Я сошла с ума, нюхаю тебя, как блаженная. Как люблю этот запах!

Марго включила горячую воду.

Ну, что, моя рыбка золотая, будем купаться?

Ванна всегда успокаивала нервы, не зря же она называла её собственной «нирваной». Она решила поставить пластинку с песенками Вертинского, пока будет отогревать в горячей воде своё застывшее сердце. Никто никогда в жизни не догадается искупать её в ванне с розовыми лепестками, как это придумал он, её покоритель Орест, выдумщик и предатель.

«Он любил меня или играл в любовь?» – спрашивала себя Марго. Если это была игра, то искренняя, неподдельная. «Какой смысл ему любить меня? Зачем он пришёл, с какой целью?» – задавалась Марго глупыми вопросами, будто у любви есть какой-то иной смысл, кроме самой любви. Орест жил инстинктивно: если любит, значит, любит; а когда разлюбится, тогда разлюбится, поэтому бессмысленно спрашивать и уверять в любви.

Осенью море уходило от берегов, обнажало дно. Марго подумала, что её душа обмелела и её корабль сел на рифы – обломки любви. Она стремилась присвоить любовь Ореста, посадить на цепь. За этой корыстью скрывалась не ревность, а страх перед чувством потери, чувством внезапной пустоты, к которой нужно будет заново приучать себя. Орест оберегал её, был её берегом.

В отличие от Марго, мир Ореста был разомкнутым: он разбегался, как круги на воде. В некотором смысле Марго была вроде того самого камня, который вызывал эти круги –

свойство жизни Ореста. Пока камешек скользил на поверхности воды, пока они чувствовали соприкосновение, это называлось любовью. «Быть камнем и быть кругом на воде – вот где спрятан ключик счастья, ключик от совершенного бытия!» – вдруг осенило Марго. В глазах её радостно запылал, замельтешил солнечный зайчик. Имя Ореста стало разбегаться кругами, вибрируя огромным «О», голова её закружилась, предметы удвоились...

Это озарение Марго объяснила пониженным давлением.

У неё были все основания считать Ореста легкомысленным, поверхностным, неглубоким, безнадёжным. Не из любви, а из желания сохранить покой и равновесие, Марго пыталась прикормить, присобачить Ореста к своей каморке, где, оставшись одна, лишённая чувственной любви, физического прикосновения, тепла мужского тела, стала спрашивать себя: «Почему Господь нуждается в нашей любви, почему он нуждается в нашем сострадании, а мы только в его милости, в его снисхождении?»

Она привстала из ванны, взяла чашечку остывшего кофе, отпила; затем взяла с полки бритвенный прибор.

– Свой уголок я убрала цветами, – пропела Марго.

* * *

Марго вспомнила мамины сентенции.

– Подруженька моя, так хорошо не бывает, это не к добру.

– Ты просто завидуешь! – резко ответила Марго. – Ты, ты, ты ведьмачка! У твоих ног поклонники не переводились. Я знаю, ты изменяла папе и всё такое, а мне ты отказываешь в счастье! Ты это говоришь из вредности! – заводилась Марго, надрывая горло плачем.

– Неправда, я говорю так, потому что знаю мужчин. Они любят сильней, когда на них не ведешь глазом, это бьёт их по самолюбию. Ты не держала с ним дистанцию. Их нужно держать на жестком поводке, а ты даже ошейник не примеривала, – рассуждала мама.

– Какой ошейник! Он щенок. Ему резвиться надо еще! – вяло отговаривалась Марго, скривив губы.

Так, как вылизывал её этот щенок, никто никогда не вылизывал. Она боялась всяких шоферов с большими волосатыми руками; предпочитала инфантильных интеллигентов вроде Содомского, тридцатилетнего коллеги по кафедре азиатского факультета.

* * *

Она поднялась из ванны, словно розовый куст, стряхнувший капли дождя. Её белое тело облепили лепестки шиповника. Отражаясь в зеркалах ванной, она представила, как одним непрерывным движением руки художник нарисовал её силуэт на овальной чёрной амфоре с длинным узким горлышком. «Я – роза-не-для-кого».

Выходя из ванной, взмахом руки, когда накидывала на себя халат, она опрокинула с комода китайскую фарфоровую вазу, подаренную на день рождения Орестом. Ваза разлетелась на семь черепков. Их ещё можно было склеить. Марго собрала черепки и сложила в картонную коробку из-под обуви, где хранились её старые синенькие туфли, купленные давным-давно на выпускной вечер. Кажется, им было больше лет, чем Оресту сейчас.

Марго щурилась от солнечных бликов. Прилетела сорока, покрутила головой, огляделась по сторонам. Она украла стёклышко и понесла его в своё двойное гнездо на фонарном столбе. Марго окинула воровку недобрый взглядом. Вдруг она икнула. Кольнуло в предплечье. «Кто-то вспоминает, неужто он, мой негодяюшко?» – промелькнула безнадёжная мысль, словно рыба-выюн, зарывающаяся в илистое дно обмелевшей реки.

Какими скудными щедротами было одарено одиночество Марго! Почему-то на память приходили только обидные пустяки – иверешки² прошлого, вонзившиеся в её сердце.

Марго села в кресло напротив балконной двери и принялась распускать свитер, связанный когда-то для Ореста – не мягко, не плавно, а резко, рывками, словно она вкладывала в эти движения своё чувство отмщения или отчаяния.

...Точно так же нервно дёргался состав поезда, на котором уезжал Орест. Марго стояла в темноте на перроне. Её

² Щепы, ошпоки, черепки, осколки (словарь Даля).

рука сделала усилие, чтобы помахать ему на прощанье, но безвольно упала, как раненый ибис, отставший от стаи навсегда, навсегда, навсегда...

Владик слушает голоса

...Поезд тронулся и покатил – плавно, без толчков, без лязга вагонных сцеплений, медленно набирая скорость. Вместе с ним тронулся опустевший перрон, где замерла Марго с чёрной кожаной сумочкой через плечо; её левая рука держала за запястье правую руку. И пассажиры, и сочинитель, и читатели, и персонажи, и провожающие – все тронулись (слава Богу, что ещё не умом).

Марго продолжала стоять напротив окна – в платке, повязанном под подбородком, в длинном коричневом пальто и полусапожках, не смещаясь ни на дюйм. Единственное движение – согнула ногу в колене.

Вскоре поезд с голубой надписью «Владивосток—Хабаровск» на противоположных путях повилял хвостом последнего вагона; оказалось, что пригородная электричка, в которой сидел Орест, по-прежнему стоит на месте, никуда не едет, словно она забылась. Он подумал, что время, наверное, есть такая же иллюзия, как этот минутный обман зрения и что, в общем-то, никуда нельзя уехать – ни из времени, ни из пространства...

Вдруг перрон тронулся и поехал вместе с Марго. Нет, отъезжал не перрон, не город – отъезжало последнее лето, какая-то часть жизни отъехала в прошлое. Время заполнило сознание Ореста и Марго мнимой значимостью, мнимой

изменчивостью. Чешуйчатая кожа времени сползала легко, безболезненно, цепляясь за шипы крохотных обид и мелких ссор. Впечатления, воспоминания, радости, прощания, ожидания, тревоги – всё свалилось в один осенний ворох прелых листьев, из которых Марго мысленно собирала букет. Однако получался не пышный букет, а скудная икебана – композиция из трёх мотивов. Орест тоже хотел удержать в сердце милые подробности их совместной поездки на остров, но всё разлетелось в прах, как стая воробьёв: фрррр! Он даже не понял своей утраты. «Он легко завязывал узелки отношений и легко развязывал», – характеризовала его Марго уже не как реального человека, а как персонаж какого-нибудь романа.

Кажется, расстались по-хорошему. Без надрыва. Навсегда. Без слёз. Они уже выплаканы. «Счастливо, удачи! Пиши!» – «Ага!»

Его поезд отъезжал в будущее, а память – ветреница, мучительница – петляла дорогами прошлого.

...Марго подняла руку и неловко опустила, не дотянув её до прощального взмаха, и тотчас дёрнулся тяжёлый состав, поехал, словно его подтолкнул этот безвольный, робкий жест – и поплыло окно с Орестом, с его ущербной предательской улыбкой.

Всё! В одно мгновение Марго стала образом его воспоминаний. Этот образ, как маленький карманный фонарик, освещал то, что осталось в его прошлом. Напоследок зырк-

нула белками коровья однорогая голова на фронто́не старого облупленного складского помещения, дореволюционного монстра. «Голова, рога и четыре ноги прошли мимо окна, но почему же не может пройти хвост?» – промелькнула в голове Ореста загадочная фраза в интонации Марго. В памяти почему-то всплывали неприметные жесты, которые еще сохраняли связь с реальными событиями их совместной жизни.

Еще запомнилось: на краю перрона желтая лужа, в которую обильно напустила осенняя луна. Затем поезд, перейдя со скрежетом на другие рельсы, скрылся в чёрной утробе тоннеля под городской площадью.

* * *

Марго пошла не по ходу поезда, а в обратном направлении. Она, озябшая, поспешила на трамвай, решив переночевать у мамы, в доме на Тигровой сопке. Дверь открыл Владик – скучный, себе на уме, молчаливый. Она не стала ужинать, попила только чаю с гренками и вишнёвым вареньем. Косточки сплёвывала на стол. Их собралось уже семь штук. Вдруг они напомнили Марго летний загородный день... Ей тринадцать лет, она сидит на лестнице, приставленной к чердаку, сплёвывая вишневые косточки в ладонь, а потом стреляет ими в паука, притаившегося в центре паутины под крышей. Паук шевелится, расправляет лапы и трогает паутину. Она пугается, по коже пробегает морозец...

Нет, не паук напугал её. Он пробудил в ней другой страх; от него нельзя убежать, спрятаться. Он жил своей собственной, отдельной от Марго жизнью, плёл паутину в её душе. Если бы она могла запустить внутрь себя руки и вынуть этот страх, бросить на землю, растоптать его, как паука! Тогда, на даче, она сбила паука прутиком, он упал на куст смородины...

С тех пор она стала бояться пауков. Всякий страх ассоциировался с этими насекомыми. Странно, что Орест, наоборот, привлекал пауков. В его комнате они жили по углам во множестве, он подкармливал их комарами и мухами, наблюдал за ними. Едва он начинал что-нибудь рассказывать о своём домашнем зверинце, Марго закатывала истерику, затыкала ему рот ладошкой, убегала из комнаты...

Владик принёс фотографии, сделанные на Рейнеке этим летом. Она рассматривала мгновения жизни, которые называла картонными, пытаясь определить, куда, к каким чувствам склонялось её сердце – к освобождению или утрате; потом её мысль качнулась в сторону Ореста, словно маятник, и снова отчалила от него – тик-так, тик-так, тик-так. Вздохнув, она подумала, что завтра снова засядет за свои нетленные труды. Владик стоял за спиной и тоже рассматривал фотографии, положив руку на её плечо. На мгновение она забыла, что это рука Владика.

– Смотри, на этой фотографии ты очень ничего! – сказала она.

На фотографии был Орест по пояс в воде с дарами моря в руках, с морскими звёздами на плечах. Она смотрела на него как на сына, покинувшего мать, и одновременно как на любовника. Марго поняла оплошность. В голове не переставало громко тикать. Она выпила таблетку цитрамона и пошла в большую комнату.

Едва она прилегла на диван, взяв в руки литературный журнал, как хлопнула входная дверь. Это из театра вернулась мама в сопровождении Валентина. Марго не встала их встретить, продолжала лежать, изображая своей позой красивую грусть, которая удивительно преображала её. Она нуждалась в сочувствии, поэтому мысленно жаловалась на судьбу, а в горестях её всегда был виноват посторонний. (Но не тот, что ходил за ней следом в обутке из войлока). Марго знала этого виновника в лицо. Оно было и милым, и ласковым, и вспыльчивым, и раздражённым, и яростным, и потным, и красным, и сладким, и хитрым, и нахальным, и вместе с тем любимым...

Орест уехал и забрал с собой часть своей вины, другая часть принадлежала маме. Он был виноват в том, что его отъезд вновь вытолкнул её, как она мысленно выразилась, «в бесплодное лоно одиночества». Мамина вина была непоправима. «Я предпочла бы не родиться, – как-то в запале заявила Марго. – Вот я никогда не буду рожать детей. Это безответственно перед ними. Нельзя рожать детей, если знаешь, что им не избежать страдания; если ты не уверена в том, что

можешь сделать своего ребёнка счастливым, то не имеешь права...»

Господу Богу от неё тоже досталось на орехи, но тут же она скороговоркой попросила у него прощения. И всё-таки она разделяла гнев Иова, когда он проклинал день своего рождения или просил: «Дай им, о Господи, что же ты дашь им? Дай им чрево, неспособное разродиться». Ведь кто-то должен бросить камень в Творца хотя бы раз в жизни! Не из религиозности она боялась богохульства, а из природной женской предосторожности. Однако с тех пор как она стала посещать церковь, этот страх обрёл религиозное измерение. Оправдывая неистовые речи пророка, она уподоблялась человеку, который загребает жар чужими руками.

Марго не могла смириться с маминым счастьем, вернее, она завидовала её умению быть счастливой несмотря ни на что; то есть она бы смирилась с чужим счастьем, если бы сама не чувствовала себя обделённой, покинутой. Ей послышался голос Ореста: «Ты как будто не из этого мира». Его признания пестрили оговорками: «Ты исключительна, поэтому я тебя люблю и предпочитаю...» Марго прикрыла ладошками уши, чтобы не слышать этих обманчивых слов, которые не обещали ни счастья, ни надежды на будущее, ни утешения. «Орест – это моя иллюзия. Если так, то зачем привязываться, зачем отдавать своё сердце на растраву любви, зачем всё это нужно, зачем?...» Марго не знала, что могло бы утешить её. В творческих трудах она находила забвение.

По железному подоконнику кошкой карабкался дождь. Марго тяжело поднялась с дивана и вышла в кухню, где Валентин и Тамара Ефимовна собирали на стол. Голая лампочка под потолком светила тускло, иногда вспыхивала. «Как опостытели мне эти старые шкафы и давно не беленные стены в трещинах, с отваливающейся известкой!» – кому-то мысленно выразила недовольство Марго. Ей захотелось куда-то уехать, в другие страны, в другие города, так же легко, как это сделал Орест, взял и бросил все, и уехал...

Когда она вошла в кухню, вдруг нервно дёрнулся старый, потёртый на углах холодильник «Океан». Марго вздрогнула. Пора бы привыкнуть, но...

Несколько секунд он сотрясался в конвульсиях, наконец заглох. Тотчас обрушилась тяжёлая, как жернова, тишина. В голове у неё мелькнули образы: зерна отчаяния, сердце, мельница.

– Никак не могу привыкнуть к вашему холодильнику, – сказала она. – Сумасшедший какой-то, пугает на каждом шагу. Как мальчишка, ей-богу!

– Ну, что, проводила своего? – спросила мама.

– Проводила, – вяло ответила Марго.

Валентин разливал чай. Марго смотрела на его руки. Ухоженные выпуклые ногти поблескивали; густые черные волосы выползали из-под рукава шелковой темно-голубой рубашки. «Эти руки ласкают мою мамочку», – позавидовала она.

– Вы будете, Марго? – спросил Валентин.

Марго отрицательно покачала головой, взяла из тарелки кусочек сыра.

– Впрочем, налейте, покрепче.

– Все-таки эта японка увела его? Как её по имени? – спросила мама.

– Марико Исида его увела. Как всегда, дуракам везёт. Впрочем, глупо было бы отказываться. Да и гора с моих плеч. Так лучше...

– Однако ты отказалась, когда тебе предлагали. Ведь был у тебя какой-то француз, а потом японец.

– Что об этом говорить сейчас...

– Да, у разбитого корыта, – сочувственно произнесла мама.

Выпив две-три рюмки водки и закусив слегка, Валентин не стал слушать женское воркование, поднялся из-за стола и, скрипнув дверью, вошёл в комнату Владика. Тот лежал в постели и читал древнегреческую лирику, переложённую закладками из нарезанной бумаги. В комнате горела настольная лампа, освещающая книгу и обнаженный худенький торс Владика. В углах комнаты, заставленной книжными стеллажами, загустел осенний прохладный сумрак.

– А, это ты, – сказал Владик.

Валентин подошел к нему, коленом придавил постель, взял его за узкие плечи, прижал. Владик запрокинул голову. В его глазах чернела синева: как бы изнутри отсвечивал да-

лёкий-предалёкий свет. Валентин наклонился и... поцеловал его в губы. Нет, как раз этого не произошло, просто Владиду хотелось, чтобы он поцеловал. В этот момент на улице резко затормозил автомобиль.

– Я отдал режиссёру твою пьесу, – прошептал он, выглядывая в окно.

– Ты будешь сегодня ночевать у нас?

– Н-да, буду.

– Как всегда с ней? – уныло буркнул Владик.

Валентин кивнул.

«Я хочу, чтобы было так, как в греческих стихах».

«Так и будет».

Эти последние фразы тоже не прозвучали. Владик часто представлял диалоги с Валентином или с кем-то ещё, каким-нибудь посторонним человеком. Их отношения стали странными с того дня, когда они вдвоём оказались на острове, на даче. Это произошло накануне Яблочного Спаса, когда на Уолл-Стрите некий гражданин по имени Герман срочно скупал за бесценок вмиг подешевевшие долги Советского Союза. Над морем прогремел салют в честь какого-то праздника, и тотчас мысли Владика устремились к событиям прошедшего лета.

* * *

Вслед за двенадцатичасовым выстрелом пушки на Тиг-

ровой сопке хлопнула входная дверь, послышалась весёлая дробь каблучков по выщербленным ступеням. Владик прислушался. Он вонзил иголку в подушечку в виде атласного сердечка под репродукцией Альфреда Дюрера с меланхолическим ангелом и Эротом в бывшей комнате Марго. Из ушка торчал оборванный чёрный хвостик нитки. Владик натянул носок с заштопанной дыркой на большом пальце, выглянул в запylённое окно с облупившейся краской на подоконнике, заваленном книгами. От автомобильных «чихов», «бзиков» и «вжиков» вздрагивали стёкла. Дождевые потёки на них напомнили ему высохшие следы улиток. На обочине дороги с соломенной сумкой через плечо и в соломенной шляпе остановилась Тамара Ефимовна, пережидая длинную череду автомобилей.

Ветер с моря прилепил её платье с тонким пояском, еще больше обнажил упругие загорелые ноги в белых босоножках.

– Какая она, чертовка, красивая, – восхищённо произнёс вслух Владик.

Он вспомнил мать в далёком Благовещенске – с отёкшими варикозными ногами, располневшую, с выражением обречённости на лице. Ему стало жалко её...

Приехав из далёкого приграничного городка в портовый город, Владик был очарован его ландшафтом, который как бы открывал для него чудесные горизонты, возможность странствий. Одна его приятельница, приехавшая из Казани,

как-то обмолвилась, что некоторые улочки ей напоминают Париж. «Ты была в Париже?» – поинтересовался он. «Нет, никогда», – бесхитростно ответила девушка.

(С тех пор прошло почти десятилетие. «Я разменял эти десять лет, как десятирублёвку», – подумал Владик. Он смотрит из того же самого неудобного окна на замёрзший залив, откуда тянет юго-восточным ветерком. Город уже утратил флёр очарования, а туманы, казалось, навсегда скрыли горизонт. «Время застыло, – подумал Владик, – скоро даст трещину; мартовский лёд тронется, пляжи заполнятся». На ум пришла наивная мысль, что язык является своего рода машиной времени, при помощи которой... Проезжающая иномарка ослепила его вспышкой лобового стекла. Вдруг он представил, что у окна стоит не он, а Марго со своим неизбежным одиночеством и грядущим старчеством. Владик решил написать роман о женщине, похожей на Марго. Этот роман начнётся с того, как женщина будет стоять у окна и созерцать мерцание стёклышка на косогоре. Едва он углубился в эти размышления, как над заливом взлетел дельтаплан с мотором – выше, выше, выше. «Брюхатые облака, будет снег...» Под потолком кружила перезимовавшая муха.

И когда утихло жужжание мотоплана, Владик вновь вернулся в тот жаркий и болезненный август 1991 года, обозначенный на отрывном календаре восемнадцатым чис-

лом.)

Сопроводив взглядом Тамару Ефимовну, он вернулся к пасьянсу, который кто-то назойливо раскладывал в его голове. Навязчивые слова карточной игры привязались к языку, как балаганный мотивчик уличного цирка «Шапито» на набережной Спортивной гавани. «Чёрт-те чё!»

Это выводило его из себя. Он рычал и тряс головой, словно хотел вытрясти из ушей словесную абракадабру. «Как странно, что слова, значимые по отдельности, вдруг потеряли смысл!» — думал Владик. С чем это было похоже? Ему казалось, что комната Марго проваливалась в тартарары вместе с ним, вместе с его вожделениями и вдохновением. Бывало, что, возвращаясь ночью по тёмной лестнице в коридоре, он из предосторожности высоко заносил ногу, а когда добирался до последней ступени, его нога неожиданно проваливалась вниз, вниз, вниз, увлекая его в пропасть, — вот с чем это было похоже! Ещё эти странные провалы во времени и пространстве напоминали ему о владивостокском подземелье, городе-лабиринте, куда однажды он спускался в сопровождении четырнадцатилетнего гида из городского кружка экскурсоводов Димы Линейцева.

Падение в неизвестность, в абсурд продолжалось несколько дней. Владик выскакивал на улицу, перебегал две дороги, сбегал по железной лестнице к морю. На пляже он быстро скидывал одежду, нырял в море и плыл, плыл, плыл, но

бессмысленные слова продолжали выплывать в его голове
волапюк...

* * *

Валентин, лихо отбив мяч на волейбольной площадке, взглянул на ручные часы на кожаном ремешке. Они спешили на четыре минуты. Пушка известила о полудне, голуби и чайки взлетели, опорожняясь на лету. Жидкий белый помёт шлёпнулся на мяч, перелетающий через натянутую сетку, и в тот же миг ладонь Валентина ощутила противную липкость.

– Переход! – объявил судья, восседающий над площадкой.

Валентин не задумывался о возрасте своей женщины, которую полюбил, она сама откровенно призналась: «Дорогой, ты мог бы быть моим сыном». Он громко рассмеялся. «А что я теряю? – подумала Тамара Ефимовна, – Женщина рождена для любви в любом возрасте». Она приняла его ухаживания, позволяла любить себя, но при этом сохраняла дистанцию. Она смотрела на влюблённого молодого мужчину с высоты своих кавказских гор, откуда происходил её род по линии дедушки. «Мне придётся добиваться её любви долгими ухаживаниями», – думал Валентин, как бы прикидывая дистанцию, которую предстояло ему преодолеть. «Будьте добры, подстригите меня, пожалуйста!» Через две недели ещё одна стрижка. «Какие у вас чудотворные руки!» Потом цветы. Потом прогулка по Набережной, ресторан, пляж, по-

стель...

Он заверил её, что останется с ней до тех пор, пока она будет нуждаться в нём, пока не скажет ему «прощай». Для простого рабочего театральной сцены эти слова звучали благородно, можно сказать, по-джентельменски. «Пусть мужчины добиваются тебя, тогда любовь будет сильной и долгой», – говорила она своей дочери. Марго слушала и соглашалась. «Кто же меня будет добиваться?» – говорила она, скептически оценивая свои женские достоинства. Напрасно, конечно.

Из этого разговора Марго сделала заключение, что одни мужчины добиваются женщины, а другие домогаются. Ничего подобного она не могла припомнить в своей жизни, если не считать ухаживаний одного мужичка. Её история с Орестом была разыграна в других координатах. Он вроде бы не добивался и не домогался Марго, но как-то в одночасье она оказалась в его объятиях. Все сомнения начались позже. Как могло это произойти? Марго больше полагалась на свой разум, чем на чувства. Нет, нет, нет, никакой менадой, в страсти терзающей Ореста, ей нельзя быть, решила Марго. Страх сойти с ума был сильнее страха смерти. «Уж лучше посох да сума», – приговаривала она, вспоминая местную сумасшедшую. Если Орест воспламенялся как порох, то Марго была в постели «отсыревшей спичкой». Вместо того чтобы принять его любовь, она изнуряла себя сомнениями. «А если узнают? Какой позор!» Благоволение судьбы превратилось для неё в мучение. «Ну что за наказание! В чем я провинилась?» – жа-

ловалась она маме на свою жизнь, подразумевая Ореста...

«Где он теперь, мой негодяюшко?» – вдруг промелькнуло в её голове. Марго удивилась, что вспомнила его, ведь десять лет от него не было никаких известий.

(Владик представил, как женщина стоит у окна и бессмысленно считает парусники в заливе: «Один, два, три...»)

...На цифре двенадцать она сбилась со счёта, так как некоторые из яхт превращались в чаек. «Уж и думать о нём забыла!»

Как-то вечером, в день их первой встречи, она вынула одну фотокарточку с обнажённым Орестом. Тяжелыми ножницами, леденящими пальцы железными кольцами, Марго аккуратно расчленила фотографию. «Было и не стало, было и не стало», – шептала она, при этом её память восстанавливала клочки событий тех дней. Она вновь слышала плеск воды, его смех, прибалтийский говор откуда-то появившихся туристов. Она вспоминала, как они вдвоём в красном свете проявляли фотографии, глянцеваили и развешивали на верёвке в комнате. Нет, она расправлялась не с Орестом, она приговаривала само время, не понимая, что это и есть настоящее безумие, как *продолжение семёрки*.

Фрагменты снимка она сложила в конверт и спрятала в японскую шкатулку, где хранились улики прошлого. Иногда Марго вынимала конверт и раскладывала расчленённую фо-

тографию на письменном столе среди своих рукописей. Ей пришла в голову еще более изысканная мысль: сделать поэтический пасьянс вроде японской игры хякуниниссю, надписав на обратной стороне фотографий фрагменты стихотворений, например танка.

(— Ты у нас кто будешь? Да, конечно, валет. Владик, тебя окружают одни короли, и какая-то пиковая дама переходит дорогу, пустые разговоры, куда-то держишь путь, длинная дорога. Карты могут лукавить... — гадала Марго.)

Они действительно всем семейством собирались провести Яблочный Спас на острове Рейнеке.

— Надо бы только предупредить Марго, — сказала Тамара Ефимовна в задумчивости, потому что дочь не звонила уже целую неделю. С этим неопределённым «надо бы» она вышла из дома, остановилась на обочине дороги и, зная, что Владик провожает её взглядом, обернулась и помахала рукой.

Владик вернулся к чтению. Едва разложил книгу на диване, как серо-полосатый английской помойной породы кот Сыч, подобранный на улице котёнком, а теперь располневший на мясе и рыбе, разбежался и со всего маху прыгнул прямо на раскрытую книгу, совершив отвратительный акт: написал! Да, напрудил как раз в том месте, где читал Вла-

дик: «...пупырчатый язык. Память стала паноптикумом, и он знал, знал, что там где-то в глубине – камера ужасов. Однажды собаку вырвало на пороге мясной лавки...»

Жёлтая лужа растеклась по странице. Буквы жалко сморщились. Кот испуганно уставился на Владика, сообразив, что совершил что-то непотребное. Спасая текст, Владик побежал в ванную, открыл кран, подставил под струю книгу, затем вытер её полотенцем, как ребёнка, положил на подоконник просыхать. Вскоре под солнечными лучами печатные слова в книге стало коробить, страница вздулась. Казалось, что слова изменили не только свою графику, но и смысл. Вадик понюхал. Отвратительный запах! Слова пахли странным смыслом. Реальность, которую обозначали слова (или подменяли её собой), была изрядно подмочена...

* * *

Тем временем Тамара Ефимовна прошла по краю лужи на асфальте: всколыхнулся импрессионистский замысел природы, облака были скомканы. Затем по деревянной лестнице она стала подниматься на солярий, плавно покачивая бёдрами. Местная диаспора котов вальяжно прохаживалась по перилам, лениво поглядывая на загорающих бездельников в ожидании подачи.

– Брысь! Брысь! – резко сказала она.

Скользя взглядом по загорелым телам, бугрящимся му-

скулатурой и бюстами, Тамара Ефимовна дошла до конца солярия, до волейбольной площадки, обтянутой высокой проволочной сетью, чтобы мяч не улетал в море.

Там она увидела Валентина, стоящего к ней спиной. Он похудел – на кефире и черном хлебе. «Кефир – напиток наслаждения, как говорят арабы!» – крикнув, приговаривал он у холодильника с бутылкой в руках. Она любовалась его ладным телом. Он был в синих спортивных трусах и кроссовках, без майки. Солнце стояло в зените.

Какой-то юноша, лежащий на подстилке, открыл глаза, снова зажмурился, нащупал рукой очки, надел их и стал разглядывать женщину, которую много раз видел на пляже, вновь отметив упругие смуглые ноги, крашенные красным лаком ногти. Юноша протянул руку, как бы случайно задел её щиколотку тыльной стороной ладони.

– Какие гомеопатические ножки! – сказал он.

Тамара Ефимовна потёрла ногу другой ногой, потом наклонилась и почесала.

– Простите, что? – спросила она.

Юноша поднял голову и поздоровался.

– А, это вы, Герман? – узнала Тамара Ефимовна пляжного знакомого.

– Вы знаете, Достоевский выразился однажды: «Какие гомеопатические ножки!» Вот я и вспомнил это выражение, глядя на ваши...

– Ах, молодой человек!

Рука юноши нажала на клавишу магнитофона, и в тот же миг из него полилась песенка: «...Y que palabras todo la parada arma geisha idu japon todo linda todo moso...»

Облако окотилось тремя очаровательными облачками. Воздух повеселел.

* * *

Не до веселья было Владику: его обживали голоса, они бессовестно пользовались им, превратив его сознание в тёмную камеру пыток. Все говорили разом: и тройка, и семёрка, и туз, и король, и дама, и валет... «Шапито какое-то!» – вставил он словечко. Окружённый книжными стеллажами, он ощущал себя книгой, раскрытой сразу на всех страницах. Однако страницы этой книги были исписаны чужими словами, а его собственное, единственное слово – «шапито», за которое он держался как за спасательный круг.

– Ну, хорошо. Я буду вашим писцом, совершенным писцом, – обречёно согласился Владик.

Один голос, нашёптывая на ухо, доверительно сказал ему, что только художник обладает *даром* выпасть из времени, как яичко из курицы.

– Каким даром? – бормотал Владик.

Нет ничего странного, если кого-то однажды начинают одолевать голоса или музыка. Возможно, что это музы или ангелы, или еще кто-нибудь. Вот и философы говорят, что

голоса, которые вселяются в души людей (а также собак), это какие-то особые существа, и то, что они думают, не значит, что это думает тот, кто думает, и даже наоборот, совсем не думает, а спит, крепко спит, спит, спит... Ведь даже во сне кто-то всё время думает за него. Владик запутался. Правда, не все голоса были ему по душе, а когда они совсем умолкали, ему становилось немного грустно. В этом хоре голосов было очень легко присвоить себе чужой голос.

В конце концов он вышел на улицу, в парикмахерскую, к Эльдару. Он всегда его подстригал, хотя бабушка, то есть Тамара Ефимовна, сердилась на Владика, что он зря тратит деньги, ведь она сама могла бы подстричь его бесплатно, не хуже. Владiku нравился процесс: позвонить по телефону, договориться о времени, сказать пару любезных слов, похвалиться перед девчонками, мимоходом заметив, что, мол, у меня есть личный парикмахер, он ждёт. Владiku нравилось, как колдует над его головой Эльдар. Когда его грубоватая рука, пропахшая табаком, захватывала прядь волос и плотно прикасалась к голове, Владик чувствовал, как приятная волна прокатывалась по его телу. В зеркало он смотрел не на себя, а на руки Эльдара. Щёлкали ножницы, мышцы на запястье быстро-быстро сокращались, выделялись прожилки вен. Это завораживало, волновало. Иногда он ловил в зеркале взгляд тёмных глаз. Они смотрели так пронзительно, что Владiku становилось не по себе, будто его мысли были известны посторонним. И в этот раз его смутило то, что ему

пригрезилось. «Никогда, никогда, никогда! Никогда не бывать этому, никогда!»

Закончив работу, парикмахер приставил круглое зеркало к затылку Владика, чтобы тот оценил стрижку. Пространство комнаты удвоилось. Оно будто было нанизано на единственный луч солнца, вынырнувший из окна между штор. Чужие глаза пялились на затылок Владика. Это были его глаза – неподвижные, словно их пригвоздили к отражению. Он тоже удвоился. Их стало трое. Два отражённых и один реальный.

После парикмахерской три Владика наперегонки друг с другом опрометью помчались домой, пока не возникло препятствие. Он пошёл шагом. Впереди него тащились двое юных калек, загораживая дорогу. В авоське у одного болталась книга «Мастер и Маргарита». Они вели весьма заумные разговоры. Что-то про образование новых звёзд и «чёрные дыры» во Вселенной, про соотношение материи и энергии, про творческую эволюцию, про материю и память. Владик краем уха прислушивался, но их речь была невнятна.

В подземном переходе на площади он налетел на трёх акробатов, пляжных знакомых. Владик сочинял о них рассказ. Мысленно он ехал с ними в поезде, где якобы встретил, etc. На углу краеведческого музея им. Арсеньева мелькнули в толпе Марго и Орест.

Дома его уже ждал Валентин с сумками.

– Везение! Мы идём на яхте, мой приятель согласился захватить нас на Рейнеке, – сказал Валентин.

Они ушли прямо со Спортивной гавани. Тамара Ефимовна задержалась в городе по театральным делам. Она сказала, что подъедет через два дня. На том и расстались.

* * *

Валентин прижился в их доме (со своей никудышной зарплатой). Как-то утром Владик в трусах, без тапочек проходил в туалет мимо их комнаты, дверь была приоткрыта. Видимо, её открыл кот, который ревновал хозяйку к любовнику. Владик задержал взгляд на спящих: рука Тамары Ефимовны покоилась на обнажённой груди Валентина. Её лицо скрывалось за спиной возлюбленного.

Безымянная рука на безымянной груди. Вдруг рука проснулась, стала поглаживать тёмный сосок, похожий на оторванную от плаща пуговицу с оборванной чёрной ниткой. Что-то всколыхнулось внутри Владика, где-то в области солнечного сплетения, словно он получил кулаком под дых. В глазах стало темно. Он устыдился своих непозволительных мыслей.

Это впечатление вошло в калейдоскоп памяти юноши. Владик захотел как бы присвоить жест чужой руки, как присваивал себе звучащие в голове голоса. Всё время, пока Владик принимал холодный душ, перед его глазами стояла утренняя картина. Растирая тело махровым полотенцем, он чувствовал, что не разогревается, как обычно, а наоборот:

его начинало знобить. Владик вернулся в постель и снова укутался в одеяло, охватив себя руками. Однажды в детстве он подобрал птенца ласточки и от нежности едва не придушил жалкое создание. Мальчик вернул птенца в гнездо, поставив лестницу к стене, но ласточки не приняли детёныша, вытолкнули наружу. Когда Владiku бывало себя жалко, он чувствовал себя таким же выброшенным своими родителями птенцом. Владик очередной раз лишил себя непорочности.

Этот жест, существовавший в сознании юноши как абстракция или как художественная идея, непроизвольно всплывал в его памяти.

И сейчас тоже, сидя на корме, Владик, облачённый в тельняшку, смотрел, как ветер напирал в парусину, на которой рисовался этот образ – словно проекция его воображения. В тельняшке с чужого плеча Владик выглядел заправским юнгой. Море кипело, пенилось, отплёвывалось. Рыба метала икру, выпускала свои сперматозоиды. Владик сочинял море, слова пробовали юношу на вкус, на запах, слова слушали его, слова вглядывались в даль.

Яхта не ахти какая – странствующая в ванне мыльница; в её борта шлёпались мыльные волны. Пахло йодом и дёгтем. Бесшумные чайки преследовали яхту; сияли яхонты, рассыпанные в заливе без числа из чьей-то щедрой горсти. Вблизи море поменяло цвет: из синего оно превратилось в зеленое. Волны наспех перелистывали море. Кто-то очень быстро, по

диагонали читал книгу воды. Владик опустил ноги в воду, в стихию алфавита. В этот момент сзади подкрался кто-то – ах, Валентин! – схватил руками за плечи, в шутку толкнул его вперёд. Владик испугался.

– Ага, моряк с печки бряк! – сказал Валентин.

Владик очнулся от наваждения и подумал, что страх – это то, что подтверждает реальность. В какой-то момент юноша начал сомневаться в реальности моря. Крепкие руки Валентина держали его за плечи... И не хотелось, чтобы Валентин отпускал их.

– Пойдём плавать на доске! – предложил он.

Владик отказался. Его укачало, стало мутить, вырвало прямо за борт. Он спустился в трюм и прилёг на лежак. В его голове звучала заушь двух калек, случайно подслушанная сегодня в городе... беспокойный сон... волны шаркают о борт, словно подошва на асфальте... ноги куда-то идут, идут, идут...

...Вдоль усадьбы. Рота. Озеро. Облако. Башня. Маяк. Всё смешалось в доме Обломовых. Служанка разрыдалась и покинула дом, кухарка тоже, кофе не подают. Облака поедают облака. Кто-то месит это тесто, оно набухает, выползает из чана. Кухарка вытирает пот со лба рукавом, убирая прядь волос.

«Я улитка, тащу на себе город улик. Вот сейчас прилетит сорока и ткнёт клювом в затылок – и всё вдребезги: ку-

шай меня, кушай, ненасытное время, пожирай! Что там еще в этих сырых извилинах, какие мысли извиваются, отовсюду лезут – черви, черви, черви! Шелкопряд! Выпала карта черви. Она нагадала правду. Пустая карта. Сердце очервелело. Мысли, черви, личинки, бабочки... *Mariposa Veleras Negra*... Вот они выпорхнут на белый свет, расправят свои черные, как ночь, бархатные крылья с иссиня-изумрудными глазками, откинут тень над сознанием, всё помнящим, тоскующим, порождающим эти образы воспоминаний, образы пустых надежд. Ключь меня, время, своего червячка, галчи, галчи, галка! Kave, Kave, Kave! Всё равно не уползти мне живым от тебя – никому не уползти! Так полезай на крючок, ловись рыбка, не простая, а золотая».

Потом послышалась мелодия из магнитофона. Кто-то читал стихи: «.... *En una noche oscura cruenta con ansias en amores inflamada en una noche cuadrupeda oh dichosa ventura sali sin ser notada estando ya mi casa sosegada en la noche toro difunto dichosa en secreto que nadie me veia ni yo miraba cosa sin otra luz y guia sino la que en el corazon ardia...*»

Стареющая певица поет в дорожном кафе, высокие кожаные сапоги, цвета морской волны прозрачное платье; она стоит спиной к посетителям. Входит гусар: усы, портупья, погоны, галифе. Сразу видно, что он за музыку сегодня щедро платит. Ах, будет вечер сегодня весел, будем пить, будем плясать; принимай тяжелые чресла, мягкая кожа кресел!

На пороге появляются трое: печальный ангел, печальный

Эрот и он, Владик... Они слушают песню, прислонясь к дверному косяку. Косяк превращается в князя и усаживает гостей за столик. Вбегают собакообразный человек, спотыкается и падает. Его тотчас вырвало на пороге. Дверной косяк берёт его под руки и выводит из кафе. Платье стареющей певицы гневалося волнами. В луже блевотины выводок из двенадцати кораблей. Официант, гарсон, слепец приносит счёт, длинный-длинный список. Он зачитывает гекзаметры, в его речи горечь, простуженный голос:

– Я поеду в другие страны, я увижу другие побережья. В другом городе будет лучше, чем в этом, чем в прежних. Эти буквы ковыляют по листу бумаги нехотя и лениво, словно коровы. Может быть, они промычат напоследок о той любви, о той отваге, что бросила меня вслед за тобой? Сомкни я сейчас глаза, снова увижу тот зимний вечер, руины того, что называлось когда-то нашей каморкой и чем-то ещё, что не спрятать в нишу, не унести в кармане, не подсчитать. Пусть называется моргом пространство, в котором груда мёртвых вещей. Что может быть красивого в пустой комнате, где ты сводил со мной счёты? Глаза не отпускают ни одной капли влаги. Скомканы мечты, на полу валяется твоя расчёска...

Марго наклоняется, чтобы поднять гребень, бабушкин; подходит к зеркалу и расчёсывает длинные волосы. Они рассыпаются по плечам – густые, пышные. Марго обрадовалась. Странно! Она помнит, что этот гребень положили в гроб вместе с покойницей.

– Всё, что было правдой, станет вымыслом, – произносит Марго.

«Их становится всё больше», – подумала она, разглядывая себя в зеркале.

– Кого? – спросил Орест.

– Седых волос, – ответила Марго и обернулась.

В комнате никого не было. За окном слышен то ли лай – гав, гав, гав, – то ли грай галок. Марго выглядывает, там темно: на ночной фонарь с сорочьим гнездом на углу тюрьмы слетается снег, словно мотыльки. Артемида, Диана, Брамей кружат, выются – и, как сгоревшие, осыпаются чёрным пеплом над морем, сияющим солнечными бликами...

Владик жмурится и просыпается. Валентин сидит рядом и держит посуду с его блевотиной, утешает:

– Ну, вот, мальчик мой, тебя укачало. Выпей-ка воды! Вот – из сифона. Ты так бредил, стонал, говорил стихами, иностранному!

Когда Владик пришёл в себя окончательно, он рассказал сон, в который примешал недавнюю историю с солдатом.

Встреча с воином

Однажды за полночь Владик привёл в дом незнакомого парня. Он подобрал его на конечной остановке, на Фокина. Вернее, тот привязался к Владiku. Так бывает, что незнакомый человек привяжется с разговором, а потом не знаешь, как от него отвязаться. Они ехали почти в пустом троллейбусе со Второй Речки. На заднем сиденье примостились два джинсовых юнца; один сидел у другого на коленях, они целовались, не обращая ни на кого внимания. Владик взволнованно рассматривал их отражение в темном окне.

Юная пара влюблённых вышла у картинной галереи. В другой раз он снова встретил этих парней у кафе «Ротонда» на углу Фокина и Океанского проспекта, где постоянно собиралась молодёжная компания.

Водитель троллейбуса объявил, что направляется в гараж. Попутчик Владика спросил у него, как можно добраться до бухты Емар, в воинскую часть, где он проходил срочную службу. Владик объяснил, что движение транспорта уже прекращено. Иван, так звали парня, приуныл, сказал, что ему некуда деваться, что он приехал в город в увольнение к одной девчонке, с которой познакомился недавно на пляже, но её не оказалось дома. Попутчик спросил, нельзя ли переночевать у Владика?

Владик после недолгих раздумий согласился. С виду па-

рень вызывал доверие, лицо его было приятным. Владику тоже предстояло идти в армию, поэтому ему было интересно узнать, как послужится новобранцам.

Иван Малков оказался родом из Мариинска, всю дорогу говорил как заведённый.

– А где твоя униформа? – спросил Владик.

– Вот, в сумке! По городу я гулял в гражданке, чтобы патруль не приставал, а то ходят они за тобой по пятам, – объяснил Иван.

– А ты случайно не в самоволке?

– Нет, у меня увольнительная на два выходных.

– Ну, а как там?

– Да ничего, собственно, служба мёдом не кажется.

– А бьют? Тебя били?

– Бывало дело, как же без этого? Я хоть и маленький, да злой бываю тоже, знаешь, какой – во! Черпаки, эти, что отслужили по полгода, стали до меня доябываться, особенно один: сходи туда, принеси то. А потом смотрю, стал наглеть, и я сказал, чтобы он отстал. Ну, он меня в морду! Я как озверел, ну и тоже! Тут его одноклассники подлетели и на меня. Тогда я схватил табуретку и со всего маху троих по голове – херась!

Владик вздрогнул, ему стало жутко от этого признания.

– И что было дальше? Тебя побили, да?

– Нет, отстали, а тот с тех пор было у меня на посылках. Армия на то и армия, что там уважают только силу, единственный аргумент правоты. Если ты не сможешь дать отпор,

то тебе хана, зачморят моментально, так что не бойся.

Владик сжался от страха.

– Если тебе страшно, ты не подавай вида, иди напропалую. В любом деле нужно терять голову. У нас так одного боксёра задрочили. Вот он – волк тряпочный! А другой вешаться пошёл в туалете. Замполит снял с петли, ничего, ожил. Мама ему сказала: «Ты, сынок, кушай там, что дают, наедайся хорошенько». Ну, так он ряху отъел себе! Сначала ему не хватало пайки. Он возьми, да пожалуйся комбату. Нас выстроили на плацу. Мы стоим на морозе. «Скотобаза!» – орёт командир. Целый час гоняли, отжимались, ползали. После этого его и закармливали. Заставляли съедать по две порции борща, три порции кирзовой каши, полбуханки мёрзлого хлеба и десять порций сливочного масла, а то, что он не съедал сразу, уносил с собой в роту. Через месяц он так разжирел, что каптёрщику пришлось подыскивать ему последнего размера форму; щёки были видны из-за ушей, отъел живот так, что руки до члена не доставали, обсыкался! За это тоже нещадно били. Вот он и пошёл вешаться. Верёвка была крепкой, но балка в туалете не выдержала и обрушилась. С петлёй на шее он провалился в очко. Хорошо, что замполит части проходил мимо да услышал грохот. Кое-как вытащил из говна...

Рассказ нового знакомого произвел тягостное впечатление на Владика.

– Врёшь, наверное? – засомневался он.

– Правда, правда! – хихикнул парень.

Они завернули за угол гостиницы «Версаль», стали подниматься в сопку.

– А чем ты занимался до армии? – поинтересовался Владик.

– Да ничем особенно. Хотел поступать на актёрский факультет, да не знал где. Занимался танцами. Мой коронный номер был танец с мечом.

– Настоящий меч?

– Да, конечно, не бутафорский, тяжёлый такой... Когда я махал им, зрители замирали от страха. У самого в глазах рябило. Мне было в кайф! Кстати, табуреткой я махал не хуже, чем мечом. Так что танцы мнегодились.

– А я не умею драться, – пожаловался Владик.

– Если ты умеешь рисовать, или печатать на машинке, или в медицине соображаешь, то выживешь.

– Я учусь на медика, – сказал Владик.

– О, брат, не пропадёшь! Медбрат в части – это первый человек. Всем друг. Будешь блатным. У нас был один узбек. Захотел покосить немного. Пришел в медсанчасть к ефрейтору Сашке. Тот спрашивает: «Что болит?» А больной отвечает: «Доктор, у меня что-то хуй истончается» Ефрейтор не понял. «Показывай! Что у тебя там?» – говорит он. Ну, узбек, короче, снял штаны, показывает. А тот действительно на пуговицу похож. «А что, раньше был больше?» – спрашивает медбрат. «Да, о-го-го!» Короче, он отвёл парня за ширму и велел драть. У того так ничего и не вышло. Пришлось

определять в санчасть на лечение...

Тем временем они подошли к дому. Владик сомневался, нужно ли приводить незнакомого человека в дом, но деваться было уже некуда. Они поднялись на третий этаж по тёмной лестнице. Он на ощупь открыл ключом дверь, звонить не стал. В коридоре было сыро, пахло плесенью и тухлой рыбой. Видимо, бездомные коты натащали с помойки.

Ночной гость был удивлён обилием книг в его комнате.

– Это не мои книги, – пояснил Владик, разглядывая гостя: его левое ухо было немного больше, чем правое, к тому же вид у него был как пожухлого листа, будто оно завяло.

– Я всегда мечтал поселиться в такой комнате, чтобы покидать её только изредка, – сказал Иван.

Он вынул из стеллажа первую попавшуюся книгу. Это оказалось священное писание – старинный, потрепанный пузатенький томик с золотым тиснением на церковно-славянском языке. Раньше Владик не читал этой книги. Вдвоём они уложились на диванчике, где им предстояло спать, и стали читать шёпотом, склонив головы над страницами. Владик смотрел, как Иван слюнявил коротковатые пальцы, чтобы перевернуть страницу. Под его ногтями чернела грязь. Они уснули под одним покрывалом. И видели они сон – один на двоих: чья-то рука опустила на землю к их ногам тяжёлый мешок. Облаком поднялась пыль и вскоре осела на влажную от крови ткань. Это были краеобрезания филистимлян. И видели они во сне Саула, который от плеч выше всего наро-

да; Ионафана, концом палки отведавшего мёд; Давида, пускавшего слюну по бороде своей. И отрока, бегущего за стрелами. И проснулись они в слезах...

На память воин подарил Владику свою тельняшку без рукавов. С тех пор пришли голоса. Не сразу он научился различать их: они звучали сначала как хор и как морской гул, а потом как внятная речь...

«Езда в остров любви»

Показался остров Рейнеке. Над ним повис туман, как меховая шапка, нахлобученная на голову беспризорного подростка. От причала нужно было идти через сопку лесной тропинкой минут тридцать неспешным шагом. Дачный двухэтажный дом приютился на берегу уютной бухты, метрах в пятнадцати от кромки моря, на отшибе. Над домом со склона отлогой сопки нависали деревья – широколиственные дубы, огромная липа с отцветшими кистями, берёзы, нежный амурский бархат. К полудню туман рассеялся.

– Море улыбалось глубиной души, – весело пропела Марго.

Тишина притаилась. Было слышно, как на противоположном берегу лагуны под чьими-то ногами осыпалась галька. Орест прикинул на глаз, что он мог бы переплыть бухту без труда, и, не долго думая, с щенячьим восторгом кинулся к воде, разбрасывая позади себя одежду. Марго настраивала кинокамеру. Она уже усвоила несколько уроков из эстетики английского писателя Дэвида Лоуренса и была не прочь поиграть в «пастушку и пастушка».

Кинокамера стрекочет, словно кузнечик. Орест выходит из моря, слегка теряя равновесие; его волосы рассыпаются мокрыми прядями по плечам. Улыбка во весь рот обнажила сломанный зуб. Родинка на правой щеке уползает на ску-

лы. Ей нравится быть вуайеристом с кинокамерой, нежели просто сидеть на скамейке и наблюдать за своим мужчиной. За его спиной солнце: он как будто идёт в море по солнечной дорожке, усеянной золотой лузгой. Щёлк! Тринадцать секунд долой!

– Ну вот, киносекс начался, – сообщает Марго, подавая розовое махровое полотенце.

– Как здесь пахнет! – говорит Орест, вдыхая воздух.

Его грудная клетка вздымается, подтягивая живот. Марго пересчитывает рёбра указательным пальцем. Рука медленно опустилась на бедренную косточку и тут же отпрянула. Марго смутилась, на шаг отступила назад.

– Как водичка? Тёпленькая?

Орест делает глупое лицо, закрывает веки и просто мычит, выражая удовольствие. Они присаживаются на скамью под яблоней, которая растёт в самом центре круглого столика, выкрашенного синей краской. Лучи полуденного солнца проникают сквозь листву, усеивают счастливые лица любовников. Леди поглядывает на молодого «садовника» со всеми его милыми поэтическими непристойностями. Они еще не заходили в дом, за которым в отсутствие хозяев следит одна семейная пара из деревни на острове. Лёгкий бриз прошелеstel в листве яблони. Это ветер запустил пальцы в её душистую крону, обнажив зелёное яблоко.

Со стороны дома, сверху чуткое ухо Ореста улавливает

тонкие, как паутинка, звуки: дзинь, син, ко, кин, дзинь... Кажется, это капельки дождя поочередно падают на струны, извлекая мелодию поющего ветра.

Этим звукам вторят богомолы, но более грубо и настырно, изнывая от похоти, раскатистым испанским «ррр» впере­мешку с глухими китайскими «ссс» и «ццц». Откуда-то из-за ограды, из кустов шиповника отзывается подруга богомо­ла. Вдруг они зазвенели в унисон, да с такой силой, что ка­жется, в порыве страсти натёрли мозоли на брюшках своими лапками. Невидимая нить протянулась через весь двор мет­ров на пятнадцать по диагонали – снизу вверх, сверху вниз. И вдруг бдзынь! Струна, не выдержав натяжения, лопнула!

– Ай! – выкрикнул Орест.

– Ммм, – сладко промычала Марго, проглатывая влаж­ные, теплые звуки «ыыы».

Если бы не шельмоватый шмель, нарвавшийся на невиди­мую нить любовной песни богомол со своим презритель­ным «бдз», то этой музыкой могли бы наслаждаться и другие персонажи следующей сцены. Они только что подошли к же­лезной калитке. Колокольчик известил хозяев о неожиданных визитёрах.

– Прикрой свой стыд! – велит Марго.

Орест нагибается за полотенцем, демонстрируя блиста­тельный слалом своей спины. Снежный солнечный свет ла­виной обрушился на Марго, в её глазах потемнело на долю секунды.

– Что это за звуки такие раздаются? – спросил Орест.

– А, это китайские колокольчики, они висят на карнизе дома, подарок из Японии, – пояснила Марго.

– А я думал, что это у меня в голове музыка блаженства звучит, – с квинтой разочарования произнёс Орест.

– Поющий ветер, – говорит Марго, удаляясь в сторону ка-литки.

Орест отправляется к морю и ложится на горячие камни, скрывшись за кустами, откуда ему слышен разговор Марго с гостями. Он уткнулся лицом в берег. Солнце припекало тело, даже пятки. Прелый запах морской травы и горячего камня, приласкавшего щеку, щекочет ноздри. Орест прислушивается к разговору и внимательно, как рисовальщик, рассматривает богомола в кустах шиповника.

Богомол, или *Mantis religiosa*, или, иначе, прорицатель, похож на воина. Время от времени лапки насекомого приходят в движение, словно его одолевает зуд на брюшке. Богомол чесал себя что есть мочи. Потом замирал.

Желая нарисовать насекомое, Орест изучал его строение.

В нижней части изогнутых ног богомола имеются каналы, утыканные по сторонам подвижными иглами. Голени свободно входят в эти каналы, подобно лезвию перочинного ножа, при этом острые зазубренные края смыкаются.

Вот насекомое на что-то нацелилось. Орест тоже замер, заинтригованный поведением богомола, который, раскинув полусогнутые передние лапки, словно совершающий намаз

правоверный мусульманин, застыл на четырёх задних конечностях, поджидая свою жертву. Затем он стал медленно подкрадываться к ней. Из-под лапок выскользнули слюдяные золотые песчинки. Вдруг охотник, схватив мушку саблевидными лезвиями, стал быстро-быстро поглощать свою жертву.

– Уфф! – выдохнул Орест, представив себя жертвой богомола.

Марго разговаривала с работниками – Машей и Борей, супружеской бездетной парой из деревни. Она отдала деньги, велела натопить баню, управиться по хозяйству. Выяснилось, что Владик и Валентин вчера вечером приехали на дачу, а с утра пораньше ушли на Красные камни. Орест вышел из-за кустов шиповника, обвязанный полотенцем. Он поздоровался, сказал, что умирает от жажды. Маша услужливо объяснила, что за оградой есть родник с ледяной водой. Орест взял стакан со столика и пошёл вдоль берега. «Хорошо здесь, тихо, никто не шастает, хоть нагишом ходи. Никто не осудит, ни на кого не надо оглядываться», – подумала Марго, провожая взглядом Ореста. Она завидовала его наивному, безобидному бесстыдству. Если бы не его легкомыслие, если бы не ветер в голове, если бы да кабы... А ведь хороший любовник, но не муж! Но как спутник жизни... Нет, на такую роль он явно не претендовал.

Она вздохнула. В синем небе белело облако – словно парус. Она присела и, опершись руками за спиной, запрокину-

ла голову, ощущая, как на всех парусах движется не облако, а остров. Над морем порхал зигзагами огромный махаон – парусник Маака. «Мечется, как моя душа!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.